

Материалы приходской встречи

Церковь
как
ТАИНСТВО

Октябрь 2012 года

Две истории Церкви.

В этот раз мы решили говорить о Церкви как таинстве, т.е. о той Церкви, которая создается Господом.

Время часто ставит перед нами шокирующие вопросы, перед которыми мы чувствуем себя в тупике, потому что то, что для нас неприемлемо в окружающем мире, от чего, казалось, нас оградит и спасет вера, встречает нас в церковной ограде. Среди церковного народа сталкиваются абсолютно противоположные позиции и взгляды, притом, отстаивают их с равной убежденностью. Нам больно. Кто-то делает заявления и хлопает дверью; кто-то молча и разочарованно отползает в свой угол; кто-то утешает себя: но я-то нашел подходящий приход, священника и буду за них держаться.

Того ли хотел от нас Господь? Это цель нашей нынешней встречи. Не будем рассчитывать, что найдем здесь ответы на все наши недоумения и несогласия, но постараемся хотя бы понять, где искать ответ.

Смотрите.

Ты, Петр, камень, и на камне сем Я создам Церковь Свою. А очень скоро, почти сразу, тому же человеку: Отойди от меня, сатана, ты Мне соблазн. Подчеркиваю: это сказано одному человеку. Петру! Что же Он сказал бы мне? Значит, и надеяться нечего на какую-то особую очищающую роль церкви в мире? Но ведь Он говорит: **Я создам!** И, кроме того: **Я с вами во все дни до скончания века.** Значит, **Церковь – дело Христово.** Но **Спаситель действует в ней и в Своем величии, и в Своем унижении: приняв образ раба.** Но она – и дело человеческое. А человек приходит в

церковь такой, какой он есть, – тоже и в величии, и в своем падении. Как говорил светлой памяти патриарх Алексий II, даже отделенная от государства церковь «не отделена от общества». Даже Первая Церковь, которая была *единодушна в учении, молитве, общении и преломлении хлеба* (Деян. 2), очень скоро заразилась от общества его болезнями. К тому же Церковь постепенно разделилась на клир и мирян. Возможно, тогда вопрос стал особенно остро. Тогда большая ее часть стала чувствовать себя неглавной в ней, как бы массой, которой руководят некие посвященные. Возник как бы канонический авторитет и, как обратная его сторона, – как бы каноническая безответственность. Это происходило медленно, но подействовало разрушительно на обе части церкви. Поэтому сегодняшние мы (и те, и другие – клир и миряне) нередко не вникаем в глубинный смысл слов, которыми не просто пользуемся – за которыми стоит то, чему служим. Так родилось: «выстоять службу», «вычитать правило». Сейчас битва за слова, минув их смысл, стала вопиющей. Принципиально важные слова превратились в ярлыки, которыми пользуются, как оружием. Одно из них – *православный*. Но кто разберет, что оно значит в нынешнем употреблении? Вслушайтесь: *православный университет, православная гимназия, православный интернет, вплоть до православных знакомств, православных родов и даже стола заказов в магазине «Перекресток»*. Каков **духовный смысл** подобных образований? Он страшен: ими убивается существо нашей веры. Подробно об этом завтра, а сегодня пока пусть кратко,

схематично – но это нужно для начала размышлений. Сегодня целью нашего разговора будет **осмысление человеком своего стояния в вере. В сложившейся сегодня церковной ситуации есть ли активное место для меня – человека из этой самой массы мирян?**

СМИ и наши бедные неверующие друзья и родные видят в церкви организацию или что-то вроде партии, да и сами мы нередко видим только организацию: судим-то мы, безусловно, ее. А между тем это организм. (Помните, мы зачитывались книгами Пола Бренда «Ты дивно устроил внутренности мои» и «По образу Его»? Автор – врач, он детально сравнивает церковь с человеческим организмом – с его ростом, болезнями, но и с его вооруженностью для жизни). Церковь – это организм, правда, мистический **организм, который вооружен для жизни присутствием в ней Христа.**

Вот книга Деяний апостольских. Посмотрим, как реагирует этот организм на изменение условий. Первая проповедь Петра в Пятидесятницу – о Христе Воскресшем: торжество победы. Но грех проник в Церковь – сразу все меняется. Теперь она вынуждена будет идти путем Христа, через крест, то есть путем зерна. (Ин.12.24: *если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода; 1 Кор.15.37: и когда ты сеешь, то сеешь не тело будущее, а голое зерно, какое случится, но Бог дает ему тело*). И когда стало так, уже Павел (в том же самом десятилетии) проповедует *Христа Распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие* (1Кор.1:23): *я не желаю хвалиться, разве*

только крестом Господа нашего Иисуса Христа, которым для меня мир распят, и я для мира (Гал.6.14).

Я распят для мира – отныне это судьба и назначение церкви. Кто себя спрашивал перед крещением, готов ли он к этому? Чаще хочется и в церковь войти – и дружбу с миром не рвать. И стала она *церковью долготерпения*: как и ее Создатель, она страдает от человеческого греха. Еще Иоанн Златоустый обвинял нас: «Вы убили тело Христово». Дружбой с миром и убили. **Главный грех внутри церкви – забыть, что она тело Христово**, которое жить может только Его разумением, Его силой, Его волей. А человек все время хочет стать на шаг впереди Бога и определять, что надо для церкви, для страны, и себя не забывает. Из-за этого получилось, что у Церкви как бы две истории.

Одну видят все. Это история отношений с миром, которая строится по законам мира. За нее приходится просить прощения и каяться. В ней всякий раз люди, входящие в Церковь, или забывают о ее **божественной составляющей** (и результат – войны, соперничество), или **подменяют ее своим пониманием**, тогда – инквизиция и расколы. Это предсказано: *наступает время, когда всякий, убивающий вас, будет думать, что он тем служит Богу* (Иоан.16:2). В историческом масштабе мы всё умеем понять: ужас инквизиции, ложь Крестовых походов, грех сожжения протопопы Аввакума со товарищи... Все. Но природа сегодняшних заблуждений нам кажется необъяснимой, а она та же самая: люди *ищут славы у людей, а не у Бога*, ратуют

за сильную церковь, за поддержку государства, судятся у внешних, измеряют влияние церкви золотом убранства, временем в эфире, лихостью суждений в Интернете... На самом деле все по-прежнему: *дружба с миром она же вражда против Бога*.

Любимая многими **симфония с государством** (идея возникла не сегодня) разрушает самый принцип Церкви: ее связь с главой, Христом, потому что *нельзя служить двум господам*, потому что *Царство Мое не от мира сего*. Несоединимы эти два царства. Церковь не может быть одной из ветвей власти, а государство не может с этим согласиться. И **человек, не сориентированный на Иисуса Христа** (что переводится: Иисуса Царя), ищет земной силы и власти. И воюют люди в Церкви Христовой, забывают о милости и прощении. Но **вражда во имя Господа – это нонсенс**. Даже если это не конфессиональный раскол, она разделяет поместные церкви, приходы, христиан с нехристианами, человека с человеком. Святой Дух подменяется идеологией.

Такова первая история церкви. Когда мы читали о ней в школьных учебниках рядом с историей борьбы за престолы, захватов чужих земель, бунтов и проч., нам не казалось, что речь идет о событиях двух разных миров. Она вполне вписывается в светскую историю народов и стран. Вписывается, ибо мир узнает в ней своё, и нам сказано: *«Не знаете, какого вы духа»* (Лк. 9.55).

Только любовь есть истинный дух Церкви – любовь и ко Христу Спасителю и к человеку-брату. Но Господь собрал Своих в Церковь, чтобы Самому пребывать в

ней и через нее готовить Свою победу в мире. Это неотменимо, поэтому всегда существует и **другая история Церкви – история святости**. Святость рождается как ответ на все наступления *мира сего*: это и есть **выбранный сознательно путь зерна**. Даже если неосознанно, все равно сознательно, потому что для выбравшего его **нравственная невозможность принять мирские нормы** – самая существенная из всех невозможностей: она диктуется любовью. Ошибка, что святость – только смиренное терпение. Святому есть с чем бороться. Ему требуется и мужество, и стойкость, и жертвенность, и решимость. Но путь решения каждой ситуации для него – это сначала **вопрошание, потом вслушивание в ответ и следование Его слову**. Поэтому опыт святых так многообразен, так различны типы святости. Отшельники и мирские люди, воины и миротворцы, мученики за веру и целители-бессребреники, великие учителя Церкви и простые женщины, пекущие для людей в голод хлеб с лебедой...

Вот это та Церковь, которую *не одолеют врата ада*. Она, как витязь на распутье из русских сказок. *Налево пойдешь – коня потеряешь, направо – жизнь потеряешь, прямо пойдешь – жив будешь, да себя позабудешь*. Это всегда путь борьбы. А *врата ада* – это то, что манит, обещает легкое исполнение желаний. Они одолевают в светской истории церкви, *потому что широко врата и пространен путь, ведущие в погибель* (Матф.7:13). Святость – это выбор тесного пути, но не ухода от проблем мира. Да хоть святителя Николая вспомните – его-то житие, наверное, все

знают. Боль у святых та же, что и у общества, – пути решения вопросов иные. И жизнь показывает правоту святости: в лоб ничего не решишь. Решение приходит трудно и долго, потому что проблема – глубокое искажение всей человеческой природы.

Еще достойно внимания, что одни и те же проблемы вызывают появление сходного типа святости в разные века и в церквях разных конфессий. Иоанн Златоуст (4 век), Франциск Ассизский (13) и Нил Сорский (14-15) выбирают путь бедности в ответ на стремление мира к обогащению. Франциск и Серафим Саровский являют верность слову евангельскому. **Являют, а не борются за нее** – тоже важный момент. XX век с его репрессивными системами рождает огромное число мучеников, и рядом с нашими российскими в Европе оказываются католики, вставшие против того же: Максимилиан Кольбе и Эдит Штайн, и даже протестанты, хотя у них и нет такого понятия, как святость (Бонхофер). Института нет, а святые есть. Я наугад посмотрела в интернете католических святых, погибших в одно время (случайно попала на 51-52 годы – решила: не война). Я не запомнила имен, но интересна география и род занятий этих людей: г. Владимир, Рим, Потьма, Сантьяго, Тайшет – священник, мирянин, священник, адвокат, монахиня... Добавьте сюда наших православных мучеников и исповедников тех же лет. И получится не бессмысленный список: мы увидим, как складывается **истинная история Церкви Вселенской – история святости**. И всегда и везде она ответ на мирские вызовы. И вершат эту историю **не только**

прославленные святые и те, кто, безусловно, еще будет прославлен, как о. Александр Мень и владыка Антоний, но и люди, чьи имена никому никогда не станут известны. Притом очевидно: никто из святых не жил в благополучные времена в благополучной церкви. Да таких времен никогда и не бывало.

К чему я веду? Когда нам горько от того, что мы видим вокруг, стоит задать себе вопрос: в какую историю церкви я хочу вписаться, в какой я хочу жить? И еще один: на какую из них работает мое ожесточение, или отчаяние, или равнодушие?

Как бы ни складывалась судьба Церкви, она Христовой останется всегда, хотя это ее качество может казаться совсем потерянным. В этом таинство Церкви.

И сегодняшний вечер мы решили посвятить людям разных времен, чья жизнь убедительно показывает, что всегда, в тяжелейшие моменты церковной истории, у человека есть возможность стояния за истину.

Именно о разнообразии таких путей будут рассказы, которые прозвучат сейчас. Пусть пройдут перед нами люди, жившие в трудные времена Церкви Христовой. Мы рассчитываем, что этот разговор послужит серьезной прелюдией к завтрашней работе.

Татьяна Рябинина

Святитель Иоанн Златоустый

Святитель Иоанн Златоуст жил и служил Господу в так называемую Константиновскую эпоху, когда христианство стало государственной религией Римской империи. Церковная власть сблизилась с

императорской властью, и Церковь в немалой мере наполнилась людьми, крестившимися из корыстных побуждений или под давлением обстоятельств, оставаясь при этом язычниками.

Иоанн родился в знатной антиохийской семье, получил прекрасное образование, но оставил все ради служения Христу и Церкви. Ему пророчили епископство. Но он удалился в одну из монашеских обителей, а затем два года провел отшельником в уединенной пещере. Здоровье заставило его оставить пустыню. И тогда начинается его служение проповедью, за силу которой люди и назвали его Златоустом. Тогда же появляются его первые богословские труды.

И вот в 398 г. Иоанн Златоуст поставляется архиепископом на Константинопольской кафедре. Близость царского дома, византийская роскошь предопределяет будущие конфликты. Для него, истинного последователя Христа, успех христианства связан не с внешним блеском, а с чистотой жизни представителей Церкви. Он сокращает расходы на содержание архиепископского дома, отказывается от приемов и выездов. Полученные таким образом средства Златоуст употребляет на помощь бедным и на постройку странноприимного дома.

Главным для Иоанна Златоустого было возрождение евангельского духа в Церкви. И начинает он со священства. Он отстранил от служения своего диакона за то, что тот бил мальчика раба. Некоторым клирикам было запрещено служение из-за их порочной жизни. Он требовал от богатых диаконисс и клириков скромной жизни, отказа от бросающейся в глаза

роскоши. С негодованием бичует он лицемерие монахов: *«Что широких врат желают и домогаются некоторые из мирян, это не удивительно; но что мужи, которые, по-видимому, распялись для мира, ищут их более, чем миряне, это изумительно»*. О самом себе он с полным правом сказал в беседе перед отправлением в ссылку: *«Много волн, и сильна буря; но мы не боимся потопления, потому что стоим на Камне... Я не боюсь бедности, не желаю богатства; не страшусь смерти»*. Именно это давало ему смелость до конца говорить правду всякому человеку, невзирая на его положение.

Когда Церковь боролась с язычеством и ересью, пользуясь помощью власти, свт. Иоанн Златоуст противостоял стремлениям большинства крестить как можно больше людей и последовательно проводил в жизнь принцип: *тайна спасения для желающих, а не для насилуемых*. Он учил, что христианам заповедано свидетельствовать о Христе словом, убеждением, кротостью и евангельской любовью в отношениях друг с другом. Златоуст напоминал: *«Христос побеждал, не распиная, а распятый, не ударяя, но приняв удары»*.

Он выступал против взаимных анафем, которыми осыпали друг друга члены христианских общин. Златоуст призывал свою паству подражать Христу, Который называет Своим ближним не священника, не левита, а самарянина, потому что он оказался милостивым. Все это поднимало его выше уровня большинства.

Свое ораторское искусство Иоанн Златоуст использует, чтобы пробудить совесть каждого

слушающего и вернуть его на путь спасения. Он сурово обличал безумную роскошь богачей и придворных кругов, и их полное равнодушие к жалкому положению бедных. Он влагает в уста Спасителя следующие слова: *«Для тебя Я постился и опять для тебя же терплю голод, жаждал, вися на Кресте, жажду и в лице нищих, только бы тем или другим привлечь тебя к Себе и для твоего же спасения сделать тебя человеколюбивым»*.

Задачу Церкви и священства в отношении к земной власти Златоуст видел в том, чтобы утешать угнетаемых и просить для них милосердия. Но еще важнее для него задача обличать, обращаться к совести, когда правители злоупотребляют силой, так как Церкви принадлежит нравственное руководство и самой властью.

Для него было важно зажечь свет Евангелия в каждой душе, он старался ввести в домашний обиход христиан систематическое чтение Библии. *«Пусть каждый из вас сделает дом свой церковью»*, – призывал он. Он советовал прихожанам, вернувшись из церкви домой, брать Библию, стараться воспроизвести в памяти сказанное им в проповеди, пересказать это своим домочадцам и обсудить с ними. Он старался приучить свою паству не только принимать то, чему учил, но и самостоятельно искать разрешения возникших при чтении вопросов.

Он был совестью мира, в котором жил и действовал. Он явил миру подлинное состояние Церкви и общества в свете Евангелия. Своей бескомпромиссной борьбой с пороками власти,

духовенства и всего общества, защитой бедных, призывами жить по-евангельски святитель нажил множество врагов. Особенно недовольны его строгостью были люди к лира, близкие ко двору. К их недовольству присоединилась ненависть богатых и сильных мира сего, ненависть двора и самой императрицы, которых раздражали его гневные обличения.

Первое решение о лишении Иоанна епископской кафедры (императрица тогда даже требовала его казни) пришлось отменить из-за бед, обрушившихся на Константинополь. Но в марте 404 года его все-таки отправили в ссылку в Армению, а позже, уже больного, прикованного к постели, его переводят в Абхазию. Фактически Святитель Иоанн Златоуст пострадал за следование Христу, за исполнение Его заповедей, но не стал оспаривать решение несправедливого суда. Он до конца остался верным учеником Христа. Судьба Церкви была для него важнее собственной участи, и поэтому он призвал своих многочисленных сторонников не устраивать раскола в Церкви и принять того епископа, который будет избран его преемником.

Истощенный болезнями, в сопровождении конвоя, по трудным дорогам, в любую непогоду совершал свой последний крестный путь служитель Христов. В пути он и скончался, причастившись Святых Таин. Это было 14 сентября 407 года. Слова, с которыми он отошел ко Господу, были: **Слава Богу за всё!**

Анна Маянц

Преподобный Сергей Радонежский и митрополит Филипп

Всякий святой – подражатель Христу. Святой Преподобный Сергей Радонежский и святой митрополит Филипп не оставили нам ни строчки своих поучений. Но ясно, что они прочитали Евангелие не устами и не глазами, а самой своей жизнью. Оба жили в бурное время. И каждый раз, когда время требовало от них решения, они оба выбирали то, которое им подсказывало именно их понимание Евангельской истины.

Преп. Сергей жил во время собирания русских земель вокруг Москвы. Для нашего сегодняшнего разговора важно увидеть, какими принципами он руководствовался, не изменяя им на протяжении всей своей жизни. Это, прежде всего, **нестяжание**. Он был поистине могучий человек с железной волей подвижника, прошел через многие искушения, оставаясь непритязательным, смиренным и простым. **Быть всем слугою – это одно его правило, другое – не стремиться ни к личной власти, ни к чьему-то покровительству.** Когда его старший брат грубо заявил притязание на игуменство в устроенном Сергием монастыре, он просто ушел ночью и поселился за 30 верст, начав создавать новую обитель. Только просьба братии и митрополита заставили его вернуться. Святитель Алексей перед смертью призвал Сергия к себе и хотел передать ему после себя митрополию, но встретил решительный отказ: «Ты хочешь возложить на меня бремя выше меры моей, ибо, кто я, грешный и худейший паче всех человек?» Он

даже долго не хотел принять золотого креста от Алексия: «Я от юности не носил золота, а в старости тем более подобает мне пребывать в нищете». Несмотря на все свое смирение, Сергей, однако, возвышал свой голос, если видел несправедливость. По смерти владыки Алексия Димитрий хотел возвести в митрополиты своего любимца Митяя, и тогда Преподобный открыто выступил против него.

Еще его удивительной чертой было **миротворство**. В 1365 году, по поводу спора суздальского князя Дмитрия с его братом Борисом за Нижний Новгород, Сергей ездил в Нижний, затворил в нем все церкви и тем принудил Бориса уступить брату. В 1385 году, уже престарелый, преподобный ходил в Рязань, смягчил сердце сурового Олега, давнишнего врага Москвы и союзника Мамаю и Ягайлы. Пришлось ему, старцу, идти пешком и к Литовскому князю Ягайле, и уговаривать его прекратить вражду против Руси. Уговорил: тот отказался от задуманного с Олегом похода, а Олег «взял с великим князем Димитрием вечный мир и любовь в род и род». Они даже породнились через брак детей.

Таков же Сергей и с простыми людьми. Вот мы видим его, как он чинит крыльцо у одного из своих монахов. Вот, воскресив и исцелив ребенка, говорит отцу, что просто отогрел его в тепле. Был случай, когда крестьянин принял его за простого монаха и жаловался, что ему не дают посмотреть на великого Сергия, а тот накормил его, дал отдохнуть, но так и не сказал, что он и есть тот самый Сергей. Жизнеописатель Сергия рассказывает и такой случай: один житель

монастырского посада взял у другого кабана и не заплатил за него денег. Обиженный – к Сергию. Преподобный призвал к себе обидчика и сказал ему так: "Чадо мое, веришь ли ты, что есть Бог? Знай же, что он отец сиротам и вдовицам, судья праведным и грешным; те, кто грабят других и недовольны дарованным от благодати Божией, сами обнищают и дома их опустеют, и забудется сила их. Отдай же тому сироте то, что ему следует, и вперед так не поступай". Виновный послушался. Можно приводить и приводить еще примеры.

Все это и определяет драгоценный вклад преподобного Сергия в нравственное самосознание русского народа. В этом и есть роль Церкви.

Святитель Филипп, монах из рода знатных бояр Колычевых, становится митрополитом, когда светская власть заявляет о равенстве с властью церковной: Иоанн Грозный объявляет себя главой Церкви. С этих пор митрополит мог ставиться и изгоняться только по воле светской власти, так произошло и с митрополитом Филиппом. Когда-то Филиппа с царем связывала детская дружба. И на кафедре митрополита Филиппа, тогда авторитетного игумена Соловецкого, пригласил сам Иван. Соглашаясь, Филипп знал, что идет постоять за правду, что конфликт с царем неизбежен. Так и случилось.

Когда потребовалось согласие Собора на введение опричнины, которая фактически была освобождена от закона, только Филипп поднял голос, обвиняя царя в разорении собственной державы. Он выступил против опричнины: «Достояние и жизнь граждан не имеет

защиты, грабежи и убийство совершаются именем царя. Ты высок на престоле, но есть Всевышний, Судья наш и твой. Как предстанешь на суд Его, обогранный кровью подданных? Государь! Говорю тебе как пастырь душ: «Убойся Бога! Кто не любит брата, тот не Божий». Вскоре он отказывает царю в благословении, когда тот пришел на богослужение, одетый как опричник: «Ни в делах, ни в одежде не узнаю царя... Невинная кровь вопиет к Богу». Далее – расправа, цепи, заточенье в монастыре и мученическая смерть.

Митрополита Филиппа очень скоро стали почитать как святого. Личность его оставила яркий след в истории России. Филипп – истинный святитель, он жил по тем нравственным законам, которые утверждал, не оправдываясь ни обстоятельствами, ни страхом смерти, ни политической целесообразностью.

Когда я в дни памяти святых Преподобного Сергия Радонежского (8 октября) и святителя митрополита Филиппа (22 января) обращаюсь к ним, я прошу их молиться и просить Господа о нашем вразумлении.

Ни тот, ни другой не предлагают своего пути, а воплощают в своей жизни Евангельский путь. Только так Церковь может светить людям и престолом, а не с престола светить Церкви и государству.

Ольга Бабкова

Праздник Всех святых, в земле Российской просиявших

Я хочу немного рассказать вам о празднике Всех святых, в земле Российской просиявших. Этот праздник был учрежден еще в XVI в., со временем он был

практически забыт, но на Поместном Соборе 1917-1918 годов было выдвинуто предложение этот праздник восстановить.

И вот тут для меня лично стал большой вопрос: а зачем? Сами понимаете, какова ситуация: 1917 год, страну лихорадит, Церковь только-только начинает оживать, но уже на нее воздвигнуты гонения, уже первые мученики платят своей кровью за принадлежность к Церкви... Неужели это самый насущный вопрос – установление еще одного праздника? Напомню, что Поместный Собор проходил больше года, и за это время в стране произошли такие события:

- война с Германией,
  - выступление генерала Л.Г. Корнилова,
  - падение Временного правительства,
  - Октябрьская революция,
  - разгон Учредительного Собрания,
  - издание Декрета об отделении церкви от государства,
  - начало Гражданской войны.
- 25 января 1918 года после взятия Киева большевиками был убит митрополит Владимир Киевский, гибель которого была воспринята как акт открытого гонения на духовенство,
- июле 1918 года произошло убийство бывшего императора Николая II и его семьи...

Мне думается вот что. В такие трудные времена, когда действительно всё рушится, когда земля уходит из-под ног, брат идет войной на брата, может создаться впечатление, что святости нет места в этом мире, здесь и сейчас, что святые – это какие-то люди, жившие

очень давно и где-то далеко-далеко. И лично ко мне эта святость не имеет никакого отношения. Это отстраненное понятие. И мне кажется, что восстановление этого праздника – это была попытка показать истинное положение вещей, дать людям опору и утешение, дать ориентир.

Вот что пишет отец Глеб Каледа: «Среди русских святых – люди всех званий и состояний, разного возраста и пола, монахи и князья, ученые и простецы... Среди русских святых – люди самых разных национальностей: греки, татары, болгары, грузины, немцы, евреи, – все воедино во Христе, все они подвизались в нашей Церкви, на нашей земле... Из этого сонма каждый может выбрать себе примеры для подражания».

И вот, 26 августа 1918 Поместный Собор принял решение о восстановлении празднования памяти всех российских святых.

Заслуга восстановления и последующего почитания дня памяти Всех русских святых главным образом принадлежит профессору Петроградского университета Борису Александровичу Тураеву и иеромонаху Владимирского Рождественского монастыря Афанасию (Сахарову). Немного о том – кто были эти люди. Б.А. Тураев (1868-1920) – великолепный ученый, египтолог, академик Российской академии наук, профессор Петроградского университета. И вместе с тем, как отзывался о нем митрополит Евлогий (Георгиевский) в своих воспоминаниях: "святой человек, знавший богослужение лучше духовенства".

Иеромонах Афанасий (Сахаров), будущий епископ, исповедник и новомученик, я думаю, достаточно хорошо известен всем здесь сидящим и в дополнительном представлении не нуждается. Б.А. Тураев выступил с докладом, в котором предложил восстановить этот праздник и переработать и дополнить существующую службу, составленную еще в XVI веке. Принципиально новой была его рекомендация включить в нее не только давно уже чтимых, положивших душу за веру Христову святых, но и поминовение в общей форме всех тех, кто еще не канонизирован, – *«тех священномучеников и мучеников, которые пострадали в наши скорбные дни во время настоящего гонения на Церковь»*.

Итак, решение о восстановлении праздника было принято, и Б.А. Тураев и иеромонах Афанасий стали спешно составлять службу этого праздника. Выяснилось, что из чина XVI века взять практически ничего невозможно, служба фактически писалась заново, в кратчайшие сроки, для того, чтобы успеть ее утвердить на Поместном Соборе, который вот-вот должен был закрыться. Им это удалось, но, конечно, оба считали ее незавершенной, и впоследствии владыка Афанасий всю жизнь занимался ее доработкой. И все-таки служба была утверждена Собором, напечатана, разослана по епархиям, где-то даже ее успели отслужить, но это были буквально единичные случаи.

Замечателен эпизод, когда уже в 1922 г. в камере Владимирской тюрьмы встретились пять архиереев, в том числе владыка Афанасий, и четыре священника. По

свидетельству владыки Афанасия, этим *собором арестантов* “после неоднократных оживленных бесед об этом празднике, о службе, об иконе, о храме во имя сего праздника, было положено начало нового пересмотра, исправления и дополнения службы, напечатанной в 1918 году”. И действительно, эти “оживленные беседы” в камере привели к тому, что служба претерпела ряд изменений. И там же они этим *собором*, по уже исправленному в тюрьме тексту провели службу Праздника всех святых, в земле Российской просиявших. (Число мучеников, о которых они молились в той камере, сильно выросло к тому времени после 18 года, да и о них самих теперь можно было говорить те же слова).

Когда читаешь об этом рассказ владыки Афанасия, ощущение такое, что они не в камере сидят, а где-то в уютном кабинете. Заботятся о том, чтобы сочинить новые песнопения, тропари, о том, как их лучше расположить. Между тем, конечно, они понимают, что стоят на грани жизни и смерти и каждый следующий день и час может стать последним.

Есть такая статистика, что к 1930 году 177 епископов было в тюрьмах и ссылках; к 1937 году только 7 епископов были на кафедрах, в 1939 году – всего лишь четверо! Из пяти архиереев-участников того *собора*, трое не дожили до 1934 года, один был расстрелян в 1937, и только владыка Афанасий дожил до старости, но своей жизни он так писал: «27 июня 1954 года исполнилось 33 года архиерейства. За это время: на епархиальном служении меньше 3-х лет. На свободе, но не у дела тоже около 3-х лет. В изгнании

больше 6-ти лет. В узах и горьких работах примерно 21 год». Из тридцати трех! И при этом очевидцы вспоминают, что письма владыки Афанасия из лагеря, из ссылки больше напоминают письма человека, отправившегося с паломническими целями в отдаленный монастырь. Другой священник пишет о 5-ти годах лагерей: «я как бы жил в многолюдной обители, где нес свое послушание».

Мне кажется, для этих людей вообще характерно воспринимать обстоятельства жизни, какими бы они ни были, как место, куда их поставил служить Господь. Они на любом месте делали то, что было возможно. И сохранились многочисленные свидетельства, что знакомство с ними в лагерях и тюрьмах меняло жизнь человека, что встреча с ними становилась встречей со Христом для многих людей, оказавшихся рядом.

Итак, владыка Афанасий работал над службой этого праздника всю оставшуюся жизнь. С его участием, можно сказать, под его руководством монахиней Иулианией (Соколовой) была написана вот икона праздника.

И я думаю, что и для нас этот праздник и люди, его восстановившие, являются и опорой, и утешением, и поводом взглянуть в жизнь наших святых и в свою собственную.

Анна Косова

Архиепископ Лука Войно-Ясенецкий

Жизнь и служение св. Луки проходили в годы самых сильных гонений на Церковь Христову со стороны советской власти. Бескомпромиссный человек, он по логике вещей должен был быть уничтожен ещё в

начале своего священнического пути. Но, талантливый врач и учёный, профессор Войно-Ясенецкий был очень известен, может, это объясняет, что он остался жив, но скорее, это просто было чудом Божиим. Он и сам творил чудеса, как хирург, производя абсолютно невысказанные, с точки зрения нормы, операции, и как священник, проповедуя Христа в то время, когда это было невысказано (за свою жизнь святитель Лука произнес более 1000 проповедей).

Будучи простым земским врачом Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий собственноручно подробно записывал истории болезней тысяч людей, его жизненным принципом было: «Нет медицинских случаев, а есть живой страдающий человек». В каждом человеке Валентин Феликсович видит прежде всего образ Божий. И тем сильнее болит его душа из-за событий, положивших начало новой истории русского народа, решившего жить без Бога: «О, Мать моя, поруганная, презираемая Мать, Святая Церковь Христова. Ты сияла светом правды и любви, а ныне что с тобой? Тысячи и тысячи храмов твоих разрушены, а другие осквернены, и только немногие сохранились. О, Мать моя, Святая Церковь! Кто повинен в твоём поругании? ... Какими слезами оплатит народ наш, забывший дорогу в храм Божий?»

Еще в миру профессор Войно-Ясенецкий был активным членом церкви, сам выступал с беседами о Священном Писании. В конце 1920 г. епископ Туркестанский и Ташкентский Иннокентий предложил Валентину Феликсовичу стать священником, на что тот сразу согласился, несмотря на очевидность будущих

последствий. Но, став священником, он не оставляет медицины, только свои лекции по оперативной хирургии и анатомии теперь читает в рясе и с крестом на груди. В его операционной всегда есть икона. Перед началом операции он всегда молится и ставит на месте будущего разреза крест йодом. В 1923 г. иерей Войно-Ясенецкий принимает монашеский постриг с именем Луки и епископский сан. Меньше, чем через месяц, епископ Лука арестован. Начался период его скитаний по тюрьмам и ссылкам, который с короткими перерывами длился до самой войны. Вот фрагмент одного из его допросов: «Мой долг учить людей тому, что свобода, равенство и братство священны, но достигнуть их человечество может только по пути Христовом — пути любви, кротости, отвержения от себялюбия... Учение Иисуса Христа и учение Карла Маркса — это два полюса, они совершенно несовместимы и потому Христову правду пожирает тот, кто, прислушиваясь к Советской власти, авторитетом церкви Христовой освящает и покрывает все её деяния». После первого ареста епископ Лука передаёт на свободу своим духовным чадам: «Завещаю вам: неколебимо стоять на том пути, на который я наставил вас... Идти в храмы, где служат достойные иереи, вопреку не подчинившиеся. Если и всеми храмами завладеет вепрь, считать себя отлучённым Богом от храмов и ввергнутым в голод слышания слова Божьего... Против власти, поставленной нам Богом по грехам нашим, никак нимало не восставать и во всём ей смиренно повиноваться».

В тяжелейших условиях ссылки, которые большей частью проходили за Полярным кругом, он продолжает лечить людей и вести научную работу по гнойной хирургии. Однажды, во время этапа, остановившись на ночлег в какой-то деревне, сделал операцию по удалению секвестра у больного остеомиелитом плечевой кости...

Власти заменяют ему одну ссылку на другую, поскольку в каждом новом месте епископ Лука быстро приобретает любовь окружающих своим самоотверженным служением людям. Ему предлагают сокращение срока ссылки за отказ от священнического сана – Лука отвергает это предложение.

Когда в 1941 г. началась война, он направил телеграмму Калинин: «Я, епископ Лука, профессор Войно-Ясенецкий, отбываю ссылку по такой-то статье в поселке Большая Мурта Красноярского края. Являясь специалистом по гнойной хирургии, могу оказать помощь воинам в условиях фронта и тыла, там, где мне будет доверено. Прошу ссылку мою прервать и направить в госпиталь. По окончании войны готов вернуться в ссылку». И уже в октябре 1941 г. епископ Лука назначен консультантом всех госпиталей Красноярского края и главным хирургом эвакогоспиталя. Он работает по 8-9 часов, делая 3-4 операции в день. По окончании войны епископу-хирургу вручают медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов». После вручения медали архиепископ Лука сказал в ответном слове: «Я учил и готов учить врачей тому, что знаю; я вернул жизнь и здоровье сотням, а может быть, и

тысячам раненых и наверняка помог бы еще многим, если бы вы не таскали меня одиннадцать лет по острогам и ссылкам. Вот сколько времени потеряно и сколько людей не спасено отнюдь не по моей воле».

В 1951 году, уже будучи архиепископом Симферопольским и Крымским, вспоминая годы ссылки и лагерей, Лука писал: «Когда шел я по весьма тяжкому пути, когда нес тяжкое бремя Христово, оно нисколько не было тяжело, и путь этот был радостным путем, потому что я чувствовал совершенно реально, совершенно ощутимо, что рядом со мною идет Сам Господь Иисус Христос и поддерживает бремя мое и крест мой. Ибо благодать Божия изливается преизобильно на того, кто несет бремя Христово. Именно потому, что бремя Христово нераздельно с благодатью Христовой, именно потому, что Христос того, кто взял крест и пошел за Ним, не оставит одного, а идет рядом с ним, поддерживает его крест, укрепляет Своей благодатью».

Архиепископ Лука, профессор Войно-Ясенецкий, отошел ко Господу 11 июня 1961 года в праздник Всех Святых, в земле Российской просиявших.

Анастасия Чепелянская

Священномученик отец Дмитрий Клепинин

В 2003 году Вселенский Патриарх Варфоломей и Святейший Синод Вселенского Патриархата причислил к лику святых мучеников из русской эмиграции, живших во Франции: мать Марию Скобцову, Юрия Скобцова, прот. Алексия Медведкова, Илью Фондаминского и о. Дмитрия Клепинина.

Я расскажу о нелегком пути Дмитрия Клепинина. Он родился в верующей, но нецерковной семье. Два важных эпизода определили его трудный духовный путь. Первый произошел еще в России, когда Дмитрию было 15 лет: удрученный арестом матери, он зашел в церковь помолиться и встал, заложив руки за спину. Подошла монахиня и сказала, что в церкви так нельзя стоять. Дмитрий вышел и решил никогда больше в церковь не заходить.

Второй эпизод уже в Югославии, где семья жила после эмиграции. Через несколько лет после смерти матери он писал: «Я понял значение страданий, когда осознал, что все, на что я надеялся в жизни, ушло. В дни кризиса пришли на память слова Спасителя: «Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас». Эти Евангельские слова стали спасительными. «Я пришел на могилу матери с тяжелым сердцем, – писал Дмитрий, – все казалось безысходным – и нашел легкое бремя Христово – иначе потом устроил свою жизнь».

Дмитрий нашел единственный свет и утешение – Христа. Его дальнейшему утверждению в вере способствовало участие в Православном студенческом кружке Зерновых в Белграде, участие в Русском Студенческом Христианском Движении. Затем он поступил в Свято-Сергиевский институт в Париже, где одним из его наставников был о. Сергей Булгаков. Духовная связь с ним сохранялась все следующие годы. В 1937 г. Дмитрий женился на Тамаре Баймаковой, тоже участнице РСХД, и в том же году был рукоположен в священники митрополитом Евлогием. Он

был назначен в приход Введения во храм Пресвятой Богородицы, где они с матушкой стремились к воцерковлению жизни. О его священническом служении в эти годы мы знаем по воспоминаниям его духовных чад, с необыкновенной теплотой писавших о его отзывчивости, готовности оторваться от дел, чтобы помочь своим прихожанам. «Когда ты говорил с ним, словно свет входил в твою жизнь», – вспоминала С. Куломзина. «Он лечил меня Церковью», – говорила другая его прихожанка. О. Дмитрий навещал одиноких, брошенных, больных стариков, забытых, живших в ужасных условиях. У него был дар спасать тех, кого общество считало потерянными.

В 1939 году о. Дмитрий был назначен настоятелем Покровской церкви общества «Православное дело», основанного матерью Марией Скобцовой. «Он счастлив, свет, идущий от него, так ощутим», – пишет одна из его прихожанок. В дни Сопротивления общество помогало спасать евреев. Вместе с матерью Марией о. Дмитрий выдавал евреям свидетельства о крещении, своего рода охранные грамоты, спасавшие от преследований гестапо. «Милостивый Христос давал бы эти свидетельства, если бы был в подобном положении», – говорил о. Дмитрий. Он был бесстрашен, потому что знал, что Христос, основание его веры, непоколебим.

В эти годы после начала Второй мировой войны, он пишет о. Сергию Булгакову удивительные строки: «Время особенное. Но очень много светлого. Все меньше в мире смертоносного болота благополучного».

Гестапо уже следило за этим приходом, и в феврале 1943 года о. Дмитрий был арестован вместе с другими сотрудниками «Православного Дела» и заключен в нацистский лагерь Компьен. Он мог записаться французом, но записался русским и носил нашивку «R», хотя к русским нацисты относились хуже всего. Компьенские заключенные стали его последними прихожанами. Центр его жизни – Божественная литургия. Он часто говорил, что *без литургии ходит как потерянный, нет сил бороться против себя, своей самости, и зла, вокруг лежащего*. В Компьенском лагере он вел кружок по изучению Евангелия, даже создал хор. Затем о. Димитрий был переведен в Бухенвальд, где мученически погиб в феврале 1944 года.

Мать Мария Скобцова и о. Дмитрий Клепинин удостоены звания Праведников мира от государства Израиль, их имена вписаны в мемориале Яд Вашем, где на аллее Праведников мира есть деревья–памятники с их именами. У этих погибших в концлагере мучеников нет могил, но, благодаря памяти спасенных ими евреев, вместо них есть эти деревья.

На торжественном богослужении, посвященном прославлению святых мучеников, среди которых о. Дмитрий Клепинин, кардинал Люстиже объявил их защитниками Парижа. Эти мученики стали жертвой во имя живой любви, преодолев, казалось бы, непреодолимые преграды: между евреями и христианами, между людьми разных национальностей внутри секулярного, все более отходящего от Бога мира.

Ольга Рычкова

Александр Шморель

Александр Шморель родился в 1917 г. в России в немецкой семье, которая в 1921 г. выехала в Германию. Но православные традиции, язык, даже русская няня сохранялись в семье Шморелей и там. Нянина любовь к русским песням, сказкам, православному богослужению оказывала влияние на детей. Да и круг общения семьи — врачи, священнослужители православной церкви, люди культуры и искусства. Так Александр и пронес через всю жизнь любовь к России, к русской культуре и православные христианские взгляды. Он был яркой личностью, одаренной разносторонне: был музыкален, отличался любовью к философии, литературе, искусству. И главное, был неравнодушным человеком.

Видимо, поэтому после прихода к власти Гитлера он достаточно быстро понял суть этого режима. Еще до начала Мировой войны (уже в 1937) Александр, чтобы скорей отделаться от неизбежного, не дожидаясь призыва, записался отбывать обязательную трудовую повинность, а позже и службу в армии. И там он всерьез задумался о переменах в стране, о национал-социализме.

В марте 1939 г., уволившись в запас, он поступил в университет, учиться на врача, уступив настояниям отца, надеявшегося, что в приближающейся войне медику не придется участвовать в боевых действиях. А в 1940 г. Александр студентом оказался с санитарной ротой во Франции, где почувствовал себя оккупантом.

Александр ходил в русскую церковь, не тронутую властями, несмотря на начавшуюся войну с Советским Союзом. Позиция церкви в сложившейся ситуации

вызывала у него недоумение: «Я не понимаю, почему именно сейчас церковь осталась в тени? Сейчас, когда ее место – в первых рядах борцов против военной машины Гитлера». Сохранилось его свидетельство 1941 г., когда, стоя на богослужении в православном храме, он наблюдал за молящимися соотечественниками и плакал об их судьбе: «Это же всё люди, которые потеряли Родину, дабы спастись от несвободы... Они молятся уже 22 года. Даже сейчас... они всё ещё верят, и молятся, и надеются. Покажите хоть одного человека, кто верил бы больше, чем те, которые сохранили веру после 22-х лет бесплодных молитв!»

К счастью, пребывание на фронте было непродолжительным. Но оно привело к мысли о необходимости сопротивления режиму. Летом 1942 г. вместе с группой своих друзей, мюнхенских студентов, Хансом Шолем и его сестрой Софи, Кристофом Пробстом и другими, Александр основал организацию под названием «Белая Роза».

Участники «Белой Розы» рассылали листовки, адресованные, в первую очередь, интеллигенции, чтобы подтолкнуть образованные круги к осознанию необходимости сопротивления. Листовки отправляли по почте знакомым, а чаще людям, просто выбранным из адресной книги.

«Нет ничего более недостойного для культурной нации, чем безо всякого сопротивления позволить «править» собой безответственной клике властителей... Каждый, осознавая свою ответственность, должен как член христианской и

европейской культуры, работать против фашизма и каждой, подобной ему, системы абсолютного государства. Предотвращайте дальнейший бег этой атеистической военной машины», – говорилось в первом послании. «С национал-социализмом нельзя полемизировать в душе, потому что он недуховен», – читали люди. И далее рассказывалось о зверствах фашизма, об истреблении трехсот тысяч евреев в оккупированной Польше и об ответственности за это «немецкого народа, апатично ведущего себя перед лицом этого чудовищного преступления». Юноши из «Белой розы» пытались стучаться в сердца соотечественников: «Кто считал убитых, Гитлер или Геббельс? Гитлер обманывает тех, чье самое дорогое он украл и отправил на бессмысленную смерть». Называя гитлеризм диктатурой зла, молодые люди провозглашают свою декларацию: «Каждый человек имеет право на полезное и справедливое государство, которое обеспечивает как свободу каждого в отдельности, так и благо всех вместе». К моменту написания четвертой листовки Германские войска наступали в Африке и в России. А молодые люди пытались разбудить в душах людей понимание глубочайшего, фундаментального смысла войны: «Повсюду и во все времена демоны поджидали того часа, когда человек ослабеет, когда он сам оставит свою, основанную Богом на принципах свободы позицию, когда он поддастся давлению зла, освободится от сил высшего порядка». Они напоминают немцам слова их поэта Новалиса: «Только религия сможет вновь пробудить Европу, обеспечить

права народа и восстановить на земле христианство во всём его новом величии, в его миротворческой должности».

Конечно, эти письма сразу стали известны властям. Однако в июле 1942 г. Александр с друзьями были отправлены на Восточный фронт, и их деятельность на время приостановилась. Соответственно, гестапо потеряло их из вида – тоже на время.

В России Александр был направлен на санитарную службу и непосредственного участия в боевых действиях не принимал. Для него это была встреча с родиной – такое восприятие было заложено в семье (там его звали Шурик, а родной брат Эрик говорил, что он «чокнутый»). Родные удивлялись тому, что в его письмах домой словно бы не было войны, хотя, безусловно, соприкосновение с военной действительностью было: после прорыва Красной Армии под Ржевом на медиков обрушился поток раненых; были и сожженные села, и свидетельства ненависти к оккупантам. Но он стремился к искреннему общению с простыми русскими людьми, чаще — с ровесниками.

Позже, уже на допросе в гестапо, Александр свидетельствовал о том, что, даже будучи убежденным противником большевизма, он не стал бы стрелять в русских людей.

Когда часть была отозвана в Германию, осенью 1942 г. «Белая Роза» возобновила свою деятельность. Были выпущены еще две листовки, теперь уже под заглавием «Движение сопротивления в Германии».

Распространялись теперь листовки не только в Мюнхене, но и в других городах.

Пятая листовка появилась в январе 1943 г.

«С математической точностью Гитлер ведёт свой народ в бездну. Что же делает немецкий народ? Он ничего не видит и не слышит. Немцы! Неужели мы навсегда станем народом, отвергнутым и ненавистным всему миру?».

После катастрофы под Сталинградом, в начале февраля 1943 г., появилась шестая, последняя листовка «Белой Розы»: *«Студенты! Студентки! Гениальная стратегия ефрейтора мировых войн бессмысленно и безответственно погнала триста тридцать тысяч немцев на гибель. От имени всей немецкой молодежи мы требуем от государства Адольфа Гитлера вернуть нам свободу личности — самое ценное, что есть у немцев и чего нас лишили самым подлым способом».* (Во все цитаты внесены сокращения).

Тайная полиция активно занималась поиском авторов и распространителей листовок. Вскоре в Штутгарте был арестован Ганс Хирцель, а еще через некоторое время Ганс и Софи Шоль. Александру почти удалось уйти. Но из-за снежных заносов в горах он вернулся в Мюнхен, где был арестован.

Во время следствия Александр четко и ясно говорил о своих взглядах.

22 февраля 1943 г. после поспешного судебного процесса были казнены Ганс и Софии Шоль и Кристоф Пробст. Александра Шмореля казнили 13 июля 1943 г.

В тот день священник русской православной церкви исповедовал его.

Удивительно послание, которое он передал родным: «Я пришел к выводу, что моя жизнь должна завершиться сейчас, как бы рано это ни показалось. Я выполнил свою миссию в этой жизни и не представляю себе, чем мог бы еще заняться в этом мире, даже если бы меня сейчас освободили». И это пишет человек 26-ти лет, яркий, одаренный, которому явно было бы чем заняться в мирной жизни!

Дело о канонизации А. Шмореля начато РПЦЗ в конце 90-х годов. 4–5 февраля 2012 г Александр Мюнхенский (Шморель) был канонизирован. Акт канонизации состоялся в Мюнхенском кафедральном соборе во имя Новомучеников и Исповедников Российских.

Светлана Журавлева.

Наталья Дмитриевна Шаховская и отец Михаил Шик

То, что я буду говорить о родственнице нашего прихода, делает мою задачу очень сложной. Я заранее прошу Елизавету Михайловну простить меня, если я неправильно расставляю какие-то акценты. Но в принципе, о ком бы сегодня речь ни шла, мы все равно ощущали непосредственную связь с нами, потому что это и есть церковь, – неважно, когда это происходило, это все наше сегодняшнее. Но, конечно, то, что было совсем недавно, нам еще ближе. А родители Елизаветы Михайловны, Наталья Дмитриевна Шаховская и отец Михаил Шик, это наши, в общем, духовные родители самым непосредственным образом. То, что Елизавета Михайловна сегодня и все время с нами, это и

эстафета, и благословение, и некоторый призыв, потому что это задает нам очень высокую планку. Об этом приходится помнить. Для меня было огромным счастьем познакомиться с перепиской отца Михаила и Натальи Дмитриевны 26-27 годов. Я часто возвращаюсь к этим письмам и нахожу для себя просто жемчужины. Когда говорят о святости, о церковном служении, чаще имеют в виду мужей церкви – патриархов, епископов, священников, в конце концов, монахов и монахинь. И очень редко речь идет о женщине. Отец Михаил и Наталья Дмитриевна не канонизированы, и напоминание о всех святых, в земле Российской просиявших, нам очень важно, потому что святые – это все, в ком отразилась святость Божья.

Я бы, наверное, сегодня все-таки больше внимания уделила Наталье Дмитриевне, но разрывать их с отцом Михаилом невозможно, хотя мне было важно в первую очередь увидеть, как в самых трудных жизненных обстоятельствах, может совершаться стояние в вере женщины, не героической – обыкновенной, в общем, женщины. Наталья Дмитриевна, родившаяся в 1890-м году, как многие люди ее поколения, образованная, интеллигентная, горела желанием служения. Я буду зачитывать какие-то цитаты из книжки («Запечатленный след»), посвященной отцу Михаилу и Наталье Дмитриевне.

«Чего я хотела, - пишет Наталья Дмитриевна, - я еще не знала сама. Я хотела великого подвига и великой жертвы. Я искала новую истину, которая еще не открыта. В нашем поколении очень живо было сознание жестокости, несправедливости тогдашнего

социального строя. Но еще более острыми были искания цели и смысла жизни. Вера была у нас подорвана, авторитетов для нас не было. А сердце вмещало все человечество... Всего яснее было для нас то, что так жить нельзя». А в книге «Моим детям» Наталья Дмитриевна пишет откровенно-доверительно: «Еще десять лет прошло, пока я догадалась, что переворачивать мир не нужно, потому что его давно перевернул Христос. И что нет на свете ни подвига, ни жертвы, которые могли бы что-нибудь прибавить к Его величайшему подвигу и Его единственной жертве». И вот ее полное глубокое обращение в молодые годы и на всю ее жизнь помогло на пути к Богу и ее будущему супругу, Михаилу Владимировичу Шиду. Н.Д. раньше стала на этот путь, хотя Михаил Владимирович, окончив Московский Университет, глубоко интересовался религиозно-философскими вопросами. Собственно, его обращение и было их полной встречей, соединением на довольно долгом духовном пути. Прошло 8 или 9 очень трудных лет, прежде, чем они окончательно решили, что должны быть вместе. Они соединяются в браке в 18-м году. Это время изъятия церковных ценностей, когда гонение на церковь приобрело полную силу. Еще не будучи священником, М.В. оказывается в группе людей, занимавшихся спасением святынь от безбожников. В это время открывают раки с мощами святых, и, в том числе, мощи Сергия Радонежского. И М.В. вместе с Сергеем Мансуровым и с отцом Павлом Флоренским тайно, с большим риском для себя, умудряются спасти честную главу преподобного Сергия, подменив ее другой из находившихся там захоронений

(теперь все возвращено на свои места). Это была страшная миссия.

Позднее он принял сан. В это время принять призыв к священству – было очень серьезным шагом. Нужна была готовность к тяжелейшим испытаниям. И это был их общий выбор: соглашаясь стать женой священника, Н.Д. тоже знала, на что идет. И первой, так сказать, «под это колесо» попадает она вместе со своей сестрой. Их арестовывают, кажется, в 21-м году. Они больше двух месяцев находятся в Бутырской тюрьме. Именно там происходят очень важные встречи с вл. Германом Ряшенцевым, с которым дружеские, даже братские, христианские отношения продлятся до 37-го года, пока жив вл. Герман. И это было большой опорой в жизни. Огромная благодарность детям отца Михаила и Натальи Дмитриевны за то, что они сохранили их переписку – это не просто исторический источник (конечно, и это), я бы сказала, это жемчужина церковная, потому что в них пример каждодневного мужества. У Натальи Дмитриевны и отца Михаила рождаются один за другим пятеро детей. Голод, нужда – их жизнь была борьбой за выживание. Н.Д. использует все возможности не только для того, чтобы зарабатывать на кусок хлеба, но и при этом служить просвещению. Она работает, как лектор, экскурсовод, переводит, пишет популярные книги, в первую очередь, для детей. Во времена, когда ее семья крайне нуждается, Н.Д. находит возможность помогать тем, кому еще труднее. Сохранились удивительные свидетельства того, как она, отрывая от себя, от своих

детей, передает помощь другим нуждающимся, например, семье отца Сергия Сидорова.

Отец Михаил арестован в декабре 25-го года, а через полгода сослан. До ареста он стал дьяконом, а в 27-м, уже в ссылке, он становится священником. И это удивительный духовный подвиг, огромная школа верности Богу, верности призванию. И отец Михаил, и Наталья Дмитриевна ни дня не сомневаются в правильности своего выбора, напротив, укрепляются в вере. В письмах 26-27 годов замечательные страницы посвящены детям и заботам повседневной жизни, из которых мы узнаем, как трудно жилось тогда. Но самое для меня поразительное - это путь их любви, то, как росла их супружеская любовь, возрастая духовно, потому что любовь - это дар, нам данный Богом, и то, как мы с этим даром обращаемся, зависит и от нас. Во всем, что происходит, они видят Божье действие. Хочется зачитать несколько строк из письма Н.Д.: «Любимый мой, желанный мой, думала я, что скажу тебе эти слова сама, не поручая это письму. Надо еще посветлить одеяние душ наших, надо еще проверить себя и любовь нашу, надо научиться в разлуке сливать воедино души в единой радости о Христе. Любовь моя и жизнь моя, буду ли я когда-нибудь достойной тебя женой?» Таких писем много. Знаете, удивительное для меня в них - не просто доверие друг другу, а осознание ответственности за путь второго человека, притом не только по отношению к жене мужчины и священника, но и жены, по отношению к мужу. Они в любви и доверии честно говорят даже трудные критические вещи, понимая свою ответственность друг за друга: «Мы

призваны помогать друг другу идти этим путем. А тогда на нас лежит и ответственность и обязанность находить слова для того, чтобы второй видел, что нас ведет иногда не совсем туда». Удивительные страницы, когда люди делятся друг с другом такими размышлениями! Это для меня очень важный пример, потому что я, наверное, этого не умею и не смогла бы. Если мы критикуем, то так, что второму человеку больно. А здесь все продиктовано желанием того, чтобы человек шел правильно и прямо верным путем. Это было удивительно для меня. В этом я тоже вижу духовный подвиг.

И для нас важно, что они живут в то время, когда в церкви нестроение. В это время была принята декларация митр. Сергия, воспринятая как соглашательство с безбожной властью, которая вызвала разделение на поминающих и не поминающих председателя церкви. И отцу Михаилу, конечно, было очень больно, что среди братьев по священству были разные мнения. Но позиция отца Михаила и Натальи Дмитриевны в этой ситуации - это боль от содеянного, но не осуждение, и как бы молитвенное сострадание всем в этой ситуации и хранение мира.

Отец Михаил был арестован в 37-м и расстрелян в Бутове, а Наталья Дмитриевна умерла от туберкулеза в более позднее время. Хотя он не канонизирован, но у меня есть такое ощущение, что когда-нибудь они будут оба канонизированы вместе, потому что это замечательный пример стояния в вере. И думая о том, как в трудные времена мы можем находить для себя ответы на свои вопросы, полагаю, что эти ответы есть в

их пути: быть в каждом дне, в каждом деле во всех отношениях верными Христу. Я думаю, что в заключении, в ссылке, это, понятно, подвиг, но не меньший подвиг несли те, кто и в обыденной жизни, в повседневности умели нести крест достойно, верно. Дарить любовь тем, кто вокруг, даже собственным детям,— это очень много. И из этого мы тоже можем черпать для себя силы, находить важные для нас ответы.

Карина Черняк

Отец Александр Борисов

Сначала я хочу сказать буквально несколько слов о том, что сейчас Карина рассказывала: об этой удивительной супружеской любви людей, которые жили в гонении. Замечательно это восхищение другим человеком. Карина верно сказала, что если мы критикуем друг друга, так по полной программе. А она [Н.Д.] не упускает случая сказать, что она им восхищается. Потому что любимый человек — это не просто человек, с которым нам приятно, радостно, это человек, который всё время перед нами как бы на пьедестале. Я супружеским парам, когда венчаю, всегда говорю: старайтесь всегда восхищаться друг другом, «высокопарных слов не надо опасаться».

И еще я хотел сказать вот что. Так получилось (хотя это не случайно), что мы начали с Иоанна Златоуста и закончили отцом Михаилом Шиком. Кстати, добавлю, что в праздник Всех святых в земле Российской просиявших всегда подчёркивается, что прославляются не только канонизированные, но все, и те, которых никто не знает. В службе подчёркивается,

что поминаем всех: и прославленных, и непрославленных. И интересно, что Иоанн Златоуст и отец Михаил приняли мученическую кончину в один и тот же день: в день Воздвижения Креста Господня. В этом тоже очень важный для нас символ. В этот день мы всегда служим панихиду по убиенным о. Михаилу, епископу Арсению (Жадановскому) и с ними ещё 280 мученикам, расстрелянным в Бутове в тот же день. Вообще масштабы репрессий были, конечно, чудовищные. Помню, когда первый раз мы ехали на служение Патриарха Алексия на Бутовском полигоне, в автобусе на 45 мест было три человека, у которых отцы были расстреляны там, в Бутово.

И вот ещё что. Все те люди, о которых мы сегодня говорили, это, как правило, люди очень одарённые, по жизни бедные, но получившие блестящее образование. Преп. Сергей, был из боярской семьи, с детства умел читать, хотя сначала у него были трудности, но потом он прекрасно читал. Умение читать тогда — это было очень много. И митрополит Филипп был образован. Лука Войно-Ясенецкий — тоже замечательное образование. Он стал хирургом вовсе не потому, что любил медицину (больше гораздо любил рисовать, но свой художественный дар он внёс в свою работу хирурга), а врачом стал, потому что это нужнее народу. К чему я это говорю?

К тому, что высокий культурный уровень, знания, конечно, дают очень хороший старт для всякого, в т.ч. церковного, служения. Нам сейчас очень неуютно, потому что впечатление такое, что Церковь делается предметом для постоянных, как бы это помягче сказать,

словопрений на радио, TV, в интернете и т.д., словно для того, чтобы люди не говорили о чём-то существенном, пусть говорят о часах, квартирах, машинах... А когда смотришь на этот ряд святых (маленькая такая выборка), то думаешь: каким же я должен быть? что мы призваны делать? Я полагаю, что святые призваны быть вехами на нашем пути. Наша жизнь может быть наполнена очень простыми повседневными добродетелями, давайте постоянно к ним возвращаться, как бы себя подстёгивать. Да, я не могу быть как Войно-Ясенецкий, как митрополит Филипп. Но есть два качества, к которым, мне кажется, каждый может ежедневно, даже ежеминутно себя побуждать: это доброжелательность и приветливость. Вот то, что должно присутствовать в жизни Церкви, в жизни прихода, в наших контактах с людьми, разными людьми, не только с приятными («Если любите любящих вас, что особенного делаете?» – говорит нам Господь) – с каждым человеком. Давайте всячески стремиться к этому, если не получается, себя одёргивать, в этом каяться. Я просто делюсь тем, что у меня на сердце было, когда я смотрел и слушал сейчас эти сообщения.

И я думаю, для нашей встречи о Церкви это очень хорошее начало, потому что история Церкви – это история святых, облик Церкви – это облик святых, и судить о Церкви и о ценности, важности нашей принадлежности к ней важно именно по таким людям, о каких нам сегодня так хорошо рассказали. Так что ещё раз призываю к приветливости и доброжелательности.

Мы не можем быть святыми, но такими мы можем быть. Это не очень сложно. Спасибо.

Таинство Церкви

(установочный доклад)

Тема нашей встречи: *Церковь как таинство*. О Церкви можно говорить очень разными способами. Задача у нас – выйти на тот уровень понимания слова церковь, который будет соответствовать таинственному плану существования Церкви. Но для этого надо отследить, что это слово для нас вообще означает, понять, какие разные вещи оно означает для нас.

Прежде всего, то, о чем вчера уже говорила Таня. Если мы говорим о Церкви как таинстве, что это значит? Таинство – это то, что в действительности совершается не людьми, а Богом. Отец Александр Шмеман говорил, что существует только одно таинство – таинство пребывания и действия Божьего в этом мире. В этом мире действует не только Бог, есть мы, есть природа... Но таинством является именно действие и присутствие Бога. И если мы внимательно вчитаемся в Писание, оно говорит, что Господь, уходя от нас после Воскресения Своего – в Вознесении Своем предупреждает, что, уходя, Он остается. Христос, абсолютно полноценное Божие присутствие в этом мире, остается. Хотя Иисус уходит быть одесную Отца, тем не менее, Христос здесь. Его присутствие в этом мире – это и есть Церковь. Бог, который есть дух, обитает в человеках. Именно поэтому днем рождения церкви является Пятидесятница – схождение Святого Духа на апостолов. Дух Божий начинает обитать и полноценно,

со всей силой, действовать во плоти человеческой. До того это совершал Сам Иисус Христос. Он ушел, но остался и остается тем, что есть Церковь. Вот это и есть таинство.

Поскольку наша жизнь в Церкви очень разнообразна, то из этого единого таинства Церкви выделились те семь таинств, которые мы все знаем. Вы понимаете, что число семь достаточно произвольное, оно соответствует некоторой библейской символике полноты. Логика в том, как эти таинства выделяются, конечно, есть. Но сегодня мы будем говорить именно о таинстве Церкви как действию и присутствию Самого Бога. И если это так, то понятно, что именно к такой Церкви относятся слова Писания, что *врата адовы не одолеют ее*: Бог победил смерть, Он победил зло, победил ад. Понятно, что слово о Церкви как *Невесте Христовой*, сказано тоже о той Церкви, где *нет ни греха, ни порока*, только свет, только желание соединиться со своим Женихом – и ничего от тьмы.

Но мы слово церковь употребляем не только в этом смысле. Мы говорили о ситуации, скажем, с Иоанном Златоустом или с великими русскими святыми Сергием и Филиппом, мы говорили о сложности их существования в церкви, о том, что в церкви у них возникали проблемы. Таня в самом начале сказала о том, как нам больно становится, когда мы видим, что те мрачные вещи, которые мы привыкли видеть в миру, что является внешним по отношению к церкви, как эти же самые мрачные вещи проникают в ограду Церкви. Если мы говорим о Церкви как таинстве, то ничто от тьмы внутрь этой Церкви проникнуть не может, потому

что это Божье присутствие и Божье действие. Значит, у слова церковь есть какие-то другие планы, значения.

Самый важный, таинственный, план в слове Церковь переживается в духовной реальности. Эта Церковь не принадлежит пространству и времени, она всегда действие Божие в этом мире через людей, когда бы то ни было и где бы то ни было живших в этом мире. Еще одно библейское определение этой безгрешной таинственной Церкви – *тело Христово*, которое состоит из людей, наполненных Духом Божиим. Но когда мы смотрим вокруг, смотрим на самих себя, мы понимаем, что таких стопроцентно Божьих людей не существует. Церковь состоит из людей грешных, недоочищенных. И то, что можно хоть как-то увидеть и пощупать, то, что принадлежит не только духовной реальности, но и реальности, лежащей в пространстве и времени, иное. В нем, начиная с Анании и Сапфиры, уже есть неполная отдаанность человека Богу. Но Христос совершает Свое Таинство Церкви, присутствие Своего совершенства и через этих не полностью отданных Ему людей. В притчах о плевелах, о неводе Господь говорит, что в нашей пространственно-временной реальности Церковь содержит в себе не только святость, полноту Божьего действия, но и привнесенное нами: эгоизм, нелюбовь, какие-то свои интересы, не имеющие отношения к замыслу Божию, – то, что от тьмы. Так есть, и разделить это до конца времен, до Последнего суда, никому не дано. Бог этим займется в конце времен. И только Он, и только на этом Суде. А до тех пор у нас есть это совмещение великолепной, стопроцентно совершенной

таинственной Церкви и нашего человеческого присутствия в этом таинстве, нашего человеческого соучастия в нем.

Собственно говоря, когда мы разделяем это единое таинство на семь таинств, мы прекрасно видим, как это происходит. Мы понимаем, что участвуем в таинстве крещения, то есть таинстве, которое совершает Бог (тема нашей прошлой встречи), и Христос действительно берет на себя грехи наши, умирает и воскресает, а мы в это таинство входим постепенно, мы «недоучаствуем» в нем, у нас не стопроцентное соучастие. И на самом деле между тем, что Бог совершает в этом таинстве, и тем, что мы, есть зазор. И в нем на разных планах существуют оба эти понятия церкви. Можно сказать так: Бог больше этого мира, но, тем не менее, Бог каким-то образом «проецирует» Себя в этот мир. Абсолютной, стопроцентной проекцией Бога в этот мир является Воплощение, является Христос. Но если возьмем этот мир в таком состоянии, в котором он есть, мир до Второго Пришествия, то проекция Божьего присутствия в этот мир оказывается, так сказать, замутненной нашим человеческим несовершенством, нашим грехом.

Почему я говорю о проекции? Легче всего сказать, что на самом деле, церковь, которую можно увидеть и пощупать, не является той Церковью, о которой мы говорим, в силу своей человеческой греховности, и ничего общего между ними нет. Но это не так. Каждый, кто в школе изучал математику, понимает, что если есть объект и его проекция, то это, с одной стороны, не одно и то же, с другой стороны, проекция имеет отношение к

тому, что на ней проецируется. Какая-то связь между ними есть. Когда объемный объект опускается на двухмерную плоскость, что-то при этом теряется, становится иным, но тем не менее, между тем и другим связь есть. Так вот та земная церковь, о которой мы сейчас думаем, является, образно говоря, проекцией на материю – на это пространство и время – той духовной реальности, которую Бог замышляет как Свою Церковь. Эти две реальности не одно и то же, но, с другой стороны, они тесно связаны. Интересно, что для земной церкви, когда она пытается осмыслить свое существование, чаще всего эта разница незаметна. Церковь каждой конфессии считает себя именно той, к которой относятся все обетования Христовы, что *врата ада не одолеют ее*, что она и есть совершенное *тело Христово*. Но этот отбор делается уже людьми, пространство для принятия решения, кто Его, а кто не Его, Богу не предоставляется. Отсюда разрушение на земном уровне одного из определяющих свойств Церкви – ее единства.

Это первая проекция на общее пространственно-временное существование. Еще раз говорю: это началось не вчера и не в прошлом веке, а уже со времен Анании и Сапфиры, практически с самого рождения Церкви появляется этот зазор.

Пойдем дальше. Давайте внимательно посмотрим, что еще мы имеем в виду, произнося слово церковь. Не просто земное сообщество, но еще и то вполне определенное земное сообщество, к которому мы относимся, причем в его нынешнем состоянии. Следующая проекция этого уже материального объекта

– церкви – совершается уже на *здесь и сейчас*: на нашу современность, на пространство, которое мы считаем нашим, к которому мы себя относим. И это тоже не сейчас придумано, не сейчас это началось. Поместные церкви заявляли себя еще во времена книги Деяний Апостольских, и вы помните послания апостола Павла, которые обращены к Церкви там-то, и Церкви там-то. Мы видим, что эти общины разные и живут по-разному. Из этого впоследствии вырастают наши нынешние поместные Церкви. И каждая поместная церковь в ее нынешнем состоянии считает себя той самой Церковью, которая и есть *тело Христово*, которой даны все Божьи обетования. Интересно отметить, что те самые знаменитые семь малоазийских Церквей, к которым обращается Господь в первых главах книги Откровения, как поместные давно не существуют. Так как? *Врата ада* их одолели или не одолели, если их больше нет? На каком-то духовном уровне, конечно, не одолели, но если мы спустимся на уровень материальный, уровень пространства и времени, то одолевают, и еще как. Вот пример из почти совсем нашего времени: восстановление Церкви в Албании. Албанский коммунистический режим уничтожил (не на Божьем уровне, а на человеческом) Албанскую Православную Церковь полностью. Это в понимании самой Церкви, потому что есть известное высказывание отцов о том, что *где епископ, там церковь*, которое понимается однозначно: Церковь только там, где есть епископ. (Это не одно и то же, но понимается именно так). Так вот, в Албанской Церкви ни одного епископа не осталось. Ни одного. Такое рекордное достижение режима Энвера

Ходжи. И когда после падения этого режима стала восстанавливаться Албанская Церковь, предстоятелем ее становится митрополит Анастасий, грек, и ставить служителей ему было не из кого. Вначале его помощниками были американцы, прекрасные священники. Таким образом, врата ада что-то очень мощное могут сделать с поместной проекцией церкви. Так что есть большая разница между тем, к чему относятся эти замечательные слова, и тем, что мы видим в истории.

Но ведь и это еще не все. Мы видим, что эти проекции на *здесь и сейчас*, эти поместные церкви, уже в условиях современности оказываются очень разными. Почти все живут, в основном, в своей собственной церкви. Мы не представляем себе, что такое другие поместные, даже православные церкви. Но на самом деле, когда встречаешься с людьми из них, оказывается, что разницы довольно много, как будто не на уровне догматики, которую мы все знаем, но того, что люди, не задумываясь, принимают как факт, как истину. То есть на их повседневном поведенческом уровне для них это та же догматика. И на уровне этой «поведенческой догматики» разница между нами и греками, нами и сербами, или болгарами, или румынами оказывается очень существенной. Из чего вытекают разные на деле литургические формы, формы поведения, способы нравственной оценки.

Но и это еще не все. Потому что, когда мы с утра говорим: «Я иду в церковь», мы ведь не имеем в виду, что мы идем в поместную церковь – Русскую Православную. Мы идем в конкретный приход. И это

церковь. Вы понимаете, что это еще один уровень проекции Церкви? Достаточно трезво поглядеть вокруг нас – и мы видим, что все приходы разные. Та самая «повседневная, обиходная догматика» в разных приходах разная, и оценки разные, и поступки разные внутри одной и той же церкви. И каждый приход свято убежден, что он и есть то самое тело Христово. На этом приходском уровне мы уже можем найти совершенно фантастические вещи. Вчера в интернете я прочитал о том, что в музее церковного искусства посетители обнаружили, что в последнее время возле одного экспоната (оклад иконы Божьей Матери) начинают задерживаться люди, кто-то становится на колени, кто-то даже пытается приложиться. Выяснилось, что и в интернете, и в письменном виде распространяется специальная молитва – молитва окладу иконы Божьей Матери... о повышении оклада. (Притом, чем драгоценней оклад, тем лучше молитва). Понятно: язычество! Абсолютное, сплошное! Понятно, такое может родиться только на уровне какого-то прихода!

Казалось бы ситуация совершенно безнадежная: чем мы ниже опускаемся на наш собственный уровень, тем более безнадежной она становится. Но вот, что меня поражает: Господь-то нас знает, и Он дает еще одно замечательное обещание: «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я среди них». Это то же самое таинство Его присутствия, Его действия в этом мире, но снизу – не сверху, где все-все-все, а там, где двое или трое. Таким образом Господь Своим таинством эту Церковь со всех сторон взял в объятия: и сверху, и снизу. Поэтому на самом деле можно строить

некоторую цепочку коррекций, направленных снизу вверх. И именно этим является та самая святость, о которой мы вчера говорили – святость отдельных святых. Так Господь работает не только сверху, через механизм этой самой проекции поместной Церкви, иерархии и т. д., а снизу – через личную встречу со Христом, где двое или трое. Понятно, что это очень хрупкая вещь, потому что разрушить этих двоих – и все, и *врата ада* одолеют. Мы вчера говорили, что семья – это *домашняя церковь*. Вы понимаете, сколько таких домашних церквей было разрушено в советское время и разрушается сейчас, на наших глазах, сколько разводов среди христиан, среди венчанных. *Врата адовы* одолевают такого рода церкви. Это церковь? Да, церковь. Это та Церковь, которой обещано, что *врата ада не одолеют ее*? Нет, это проекция: разрушена материальная обложка – *тело Христово* от этого не меняется, а вот проекция тела Христова на *здесь и сейчас* разрушена. Поэтому отождествить их нельзя.

Еще одно значение слова «церковь»: церковь как здание, сооружение. С одной стороны, здесь есть отголосок вечности, потому что есть библейская аналогия Церкви как *храма Духа Святого*. Такую Церковь тоже *врата адовы* не одолеют. Но с другой стороны, как часто именно конкретное церковное здание начинает восприниматься как уникальное место присутствия Бога, как святыня. Конечно, есть знаменитое высказывание: Бог не в бревнах, а в ребрах. Все эту фразу знают и очень любят цитировать. Но мне кажется, эта фраза не очень подходит нам не только по нашим человеческим грехам, но и потому что

она не вполне точна, потому что она присутствие Божие в Церкви сводит к Его присутствию во мне. Каждый из вас, кто хоть раз общался с людьми нецерковными, прекрасно знает, как много людей говорит: «А что церковь? У меня Бог в сердце, у меня Бог внутри». Заметим, Христос Себя оставляет не во мне — Он оставляет Себя в нас! Он строит общину с самого начала. Дух Святой сходит не на Апостола — на Апостолов! Нет, Церковь не ты один. Это множество. Потому что Бог действует отношениями. Потому что Бог — это отношения. Поэтому Дух Святой живет во взаимоотношениях. Церковь, которой все обещано, это не вера того или иного человека, а это наши отношения. Но тут, как вы понимаете, еще одна огромная проблема: человек может заниматься своим сердцем, своим пониманием (наша встреча и на это тоже направлена), но Церковь — это не просто я и мои отношения с Богом — это мои отношения с другими людьми.

Мы с вами прошли всю цепочку проецирования Церкви как таинства вплоть до одного человека. Когда вы будете в дальнейшем произносить слово «церковь», отследите прежде внутри себя, в каком смысле вы это слово произносите. И, пожалуйста, не присваивайте атрибуты Церкви как *невесты Христовой* — той церкви «как я живу». Все время учитывайте, что между Церковью, в которой нет *никакого порока*, и есть *все Божии обещания*, и той, с которой мы имеем дело сейчас, есть и генетическая связь, и серьезное различие. Все нынешние внешние скандалы, связанные с «пусями» и прочим, во многом объясняются тем, что

люди или недооценивают эту разницу и пытаются предъявлять этой церкви те самые требования, которые на самом деле относятся к *Церкви верных*, или полностью разводят эти понятия и считают церковь только организацией, не имеющей ни малейшей связи с Божьим действием, с Божьей жизнью. Когда другой человек произносит слово «церковь», не бойтесь остановить его и сказать: «Церковь — слово многозначное. Какое из его значений ты имеешь в виду? Иначе я тебя не пойму». Все обвинения в богохульстве со стороны церковных людей в адрес людей внешних появляются из-за того, что те видят, что в церкви в спроецированном значении что-то не так. Но мы и сами понимаем, что что-то не так, и не надо слова подобной оценки воспринимать как богохульство.

И последнее. Мы в результате отслеживания того, о какой церкви мы говорим, призваны прийти к тому, чтобы главное, высшее значение слова «церковь»: Церковь как таинство, Церковь как Божье присутствие и действие — все время было внутри нас как камертон, по которому мы сверяем все остальное. И в напоминание этого рождена некая формулировка обязательных признаков для этой Церкви, тех ее признаков, которые при всех коррекциях бы соблюдались. Я говорю о Символе веры. В Символе веры есть замечательный член, в котором говорится о вере в Церковь. И поскольку речь идет о вере, то речь идет о той самой Церкви, которую нельзя пощупать. Вы хорошо знаете слова, которые о ней говорятся: единая, Святая, Соборная и Апостольская. И все эти слова знают, и всякая церковь их произносит. На любом уровне

проецирования эти слова будут произноситься. Но какое содержание вы вкладываете в эти слова? Просто успокоиться этими четырьмя словами нельзя. Хотя они даже внутри той или иной христианской конфессии произносятся одинаково, однако интерпретируются по-разному не только в разных конфессиях, но и на уровне той самодельной бытовой «догматики», которую рожают разные проекции Церкви. Если мы с вами пытаемся выйти на какое-то внутреннее понимание *Церкви как таинства*, то нам нужно отследить и обговорить то, что на деле стоит за этими четырьмя словами. Поэтому наши вопросы на эту встречу по группам связаны именно с Символом веры. Я призываю вас провести эти группы с большим удовольствием и пользой.

Андрей Черняк

Первая встреча малых групп

Верую во единую, Святую, Соборную, Апостольскую Церковь. Что это значит?

Вопросы

- Как связан в Символе веры вопрос о Церкви с предыдущими его членами?
- Как Вы воспринимаете каждое слово в свете того, что исповедуете верой и видите в жизни? Верите Вы Символу или своим впечатлениям от реальности?
- Возможно ли быть членом Церкви, не пытаясь разрешить для себя эти противоречия? Как вы разрешаете их для себя?
- Что для Вас остается и сегодня не разрешенным до конца?

– Можете ли Вы что-нибудь сделать, чтобы окружающим Вас людям открывался таинственный смысл Церкви?

Общая встреча

«Живые камни»

Сказано так: «Ты – Петр, и на сем камне Я созижду Церковь». Для меня очень долгое время акцент был на Петре: «Ты Петр, и на сем камне...». И отсюда были бесконечные вопросы по поводу Папы Римского. И я долго мучилась, никак в голове не соединялось, что он наследник Петра. И вдруг я поняла, что в то время, конечно же, Петр. Тогда Господь строил на нем... И он – первый камень. Первый. У него были достоинства, которые отметил Господь. У него была вера, преданность и, прежде всего, слушание. Ведь он услышал Бога, когда сказал: «Ты – Христос, Сын Бога Живого». Это можно было только услышать, это было совсем неочевидно. У него была вера, которую Иисус хотел укрепить. И Он говорил: «Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя; и ты, некогда обратившись, утверди братьев твоих» – утверди именно в вере. Иисус испытывал любовь Петра, трижды вопрошая: «Любишь ли ты меня?» Даже сначала Он добавил: «больше, чем они» – больше, чем другие. Все это было.

И, тем не менее, нам очень важно помнить – я для себя это все больше и больше открываю, и все больше и больше радуюсь, – что Церковь, основана не на человеке. А что камень этот – есть Христос. И к нам тоже относятся слова Иисуса после притчи о неверных

виноградарях: «Вы помните, как написано в Писании: се полагаю сегодня камень краеугольный, и Он есть основание». И о Него можно споткнуться, на Него можно упасть, Он может раздавить. Иисус – *краеугольный камень*, о котором говорили пророки, это повторял Сам Иисус, то же и Петр говорил, и апостол Павел. Нет другого основания. Есть основание только одно – Христос, на Нем все остальное строится. Кто строит из камней, кто строит из дерева, кто – из соломы, из бумаги или из каких-то там своих иллюзий. Но основание все равно – Христос. И Им будет проверяться все – нас спросят: «На чем ты строил? На чем ты стоишь?» Это должно очень ободрять нас, в вопросе о Церкви, когда проявляются все зазоры, вызывая наше недоумение, и даже не недоумение...

Я поняла (Андрей как-то очень хорошо расставил все акценты), и в малых группах мы все понимали, что зазоры есть, но мы живем другим. Поняли и понимаем, но дело в том, что мы каждый раз проходим испытание, когда встречаемся с какими-то новыми и новыми явлениями в жизни Церкви, получаем удары, какие-то страдания от своих близких в Церкви – все это испытания. Ибо я проверяю каждый раз: на чем строю, где стою, куда я иду? И мы, и Петр.... Петр – человек. Он ошибался тоже. В ту ночь вся его крепость подверглась испытанию. И он так понял, так оценил себя в нем: «я не выдержал». Мы не знаем, где бы мы были на его месте. Но он понял, что он отступил от Христа, и больше ничего не может быть. И тем не менее, он поднялся, потому что любил Христа.

А мы? Какое мы занимаем место? Про нас что сказано? Про нас сказано, что мы – *камни живые*, из которых строится все. У нас тут прямо так и написано: «*Приступая к Нему, камню живому, человеками отверженному, но Богом избранному, драгоценному, и сами, как живые камни, устрояйте из себя дом духовный, священство святое, чтобы приносить духовные жертвы, благоприятные Богу Иисусом Христом*». Значит, у нас призвание невероятное – *камни живые*. Камни! Что, мы лучше Петра? Мы не лучше. Он падал, он проходил свои испытания. Нам тоже дано проходить свои испытания. Мы тоже можем падать. У нас тоже могут быть сомнения. Мы тоже можем отвлекаться на какие-то поверхностные вещи. И, тем не менее, важно то, что Господь Сам вложил в нас, ведь Он же нас Сам позвал, Он нам Отец. Так Иисус и говорит: «*Никто не может прийти ко Мне, если его не привлечет Отец Мой Небесный*». Это Божье дело, что мы собраны в Церковь. Каждого, каждого, каждого задел Господь Своим призывом, каждого позвал. И мы пошли. Мы можем плохо идти, мы можем спотыкаться. Но нам важно как-то выдерживать направление, помнить, что Он создает Церковь. И Он, Иисус, Сам создает эту Церковь из нас.

Да, мы – *камни живые*. Как проверить: живые или нет? Эмоции к делу не относятся. А к делу относится вот что: это как я объясняла внучкам своим о человеке. Они всё крови боялись. А я им говорю: «Да вы что? Кровь идет во все пальчики, во все, все части тела. Это такие шарики, которые бегут по телу, и помощь приносят, и исцеляют. То, что кровь у тебя течет, ты не

бойся». И внучка думала, думала, потом вдруг спрашивает: «И они живые?» Я говорю: «Живые! Живые, и они действуют». А еще признак жизни – это рост, да? Все-таки рост. Живое растет. Оно действует. Оно приносит плод. Пожалуйста – смоковница, которая засохла, больше не будет приносить плода. А все живое приносит плод. И, когда мы себя начинаем проверять по Слову ... Между прочим, это не так очевидно – как я? кто я? Как проверить – где я? в каком месте нахожусь? Когда я читала: «исполняй Его заповеди». Какие заповеди? Их много. То, что сказано Им в Нагорной проповеди? Ну, да, конечно. Но во всем ищи самое главное. Есть какой-то центр, есть какой-то нерв того, что Он говорит. Какой? Иисус нам говорит прямо, что строение, поставленное на песке, не устоит. Так и с нами, так и с церковью. Почему? Потому что, если вы не исполняете Слово, вы *строите на песке* – будет испытание, и все это развалится, если вы не на заповедях стоите. Что мы должны исполнять? Как? Слова в Евангелии от Матфея, это очень серьезные слова – а если кто-то в темнице, а если кто-то болен, и ты не посетил его, если ты не накормил голодного... А вы *говорите Мне: «Господи, Господи»*. В церковь ходите, поклоны кладете, записочки пишете, да? Значит, *говорите: «Господи, Господи»*. А где, где жизнь по заповедям?

Мне кажется, что самый центр – это любовь. Это любовь к Иисусу Христу, Который дает все. Когда я люблю Его, Он мне дает и любовь к ближнему. Есть, конечно, разные понимания любви, есть разные переводы. Но фактически источник любви один.

И заповедь «*любите*» все равно встает в самом центре. И интересно, что Иисус именно об этом и говорит: *козлица или овны?* По какому признаку идет разделение? Именно по этому. Дела милосердия. Но неужели только дела милосердия? Неужели, если человек подает милостыню, этого достаточно? Я думаю, что Господь разберется с нами, Он видит наше сердце. И самое важное – это то, с каким сердцем мы все делаем. От любви, от сострадания? Когда-то было у меня испытание, очень серьезные внутренние искания. Мне казалось, что все шатается. Я ничего не могу. Все меняло свои очертания, основания, все колебалось. Я могла проверить только по одному. Я, действительно, за это держалась – у меня осталось вот какое-то невероятное даже сострадание к тем, кому плохо. Прямо до боли. И я думала: «Ну, значит, еще не все потеряно. Значит, Господь со мной еще». И, помоему, кто-то сказал даже, кажется, это в последней книге вл. Антония, – там сказано, что главное это сострадание. Сострадание. Милосердие – не потому, что надо, не потому, что требуется, не потому, что... хотя и это хорошо. Но, потому что Господь с состраданием смотрит на меня. И Он хочет, чтобы мы сострадали друг другу.

Вы посмотрите, что написано у древних пророков. Удивительные вещи: *О, человек! сказано тебе, что – добро и чего требует от тебя Господь: действовать справедливо, любить дела милосердия и смиренномудренно ходить пред Богом твоим (Мих.6:8)*. Милосердие – это тот самый центр любви, нерв любви – сострадание. Мы не все можем кормить

бомжей, да? Не все и поставлены на это. Мы все разные, и нам Господь говорит о том, что каждому дано свое. Услышать бы это призвание, пойти, ответить на него! Не искать чего-то другого: «Вот сосед кормит бомжей, дай-ка и я пойду туда». А может быть, от тебя совсем другого хочет Господь? Его поставил туда. А тебя, может быть, дома посадил с детьми. И все равно, это то же сострадание, та же самая любовь, и то же самое милосердие. Почему милосердие надо оказывать тем, кто просит открыто на улицах? А домашним разве не нужно милосердие? Очень даже нужно! И это бывает даже труднее, потому что это очевидность. Разные дела, и все мы разные. Все мы камни, *камни живые*, из которых Господь строит Свою Церковь. Строит Он.

Нонна Борисова

Человек в Церкви – единство и самостоянье.

Человечество в Церкви представлено двояко: с одной стороны совершенный человек Иисус Христос, с другой — мы, грешные люди. И именно так мы должны воспринимать человечество: какими мы призваны быть, мы видим, глядя на Христа. Об этом говорит митрополит Антоний Сурожский: «В Церкви мы все равны, хотя у всех есть различное дело к исполнению, но в основе — это выражение одного и того же — **освящение** себя и всего мира». В этом наша ответственность перед своей душой, «которая должна воспринять Христа до самых глубин своих, во всей своей жизни...»

Может ли верующий человек осуществить свое

столь высокое призвание сам по себе, вне церковной общины?

«Христианин не бывает святым в одиночку», — говорит митр. Антоний. Он рассказывал, об одном из самых потрясающих открытий, которое сделал, когда обратился: «*Потому что* я открыл Бога, передо мной открывается и целый мир людей... которые существуют... как объект любви, живого интереса. Общение с Богом неминуемо выливается во встречу с людьми».

Человек в Церкви является членом *тела Христова*. Он связан с другими членами *тела Христова*. Поэтому любое его действие или слово как-то отзывается во всем *теле*, направлено ли оно на созидание, на единение, или препятствует им. Отсюда ответственность за поступки, слова друг перед другом.

Господь призывает нас к **единству** друг с другом: *будьте единомысленны и единомысленны*. Это рождает ответственность каждого человека в Церкви за свой вклад в это единство. Но каждый из нас отдельная личность со своим жизненным опытом, своими взглядами, интересами. Не грозит ли это единство друг с другом каждому «я» раствориться в «мы»? Если понимать единство, как единение друг с другом через единение со Христом, то такое единство способствует не потере своего я, а наоборот — становлению и раскрытию своей личности. Так же верно и обратное: личностный рост каждого способствует становлению единого тела Христова. «Путь, ведущий ко всеобщему единству, есть наша личная святость». Чтобы осуществить свое предназначение, призвание в Церкви,

важно осознавать необходимость духовного и личностного роста, необходимость исцеления, т. к. мы все в той или иной мере грешны, разобщены, больны, несвободны и приносим в церковь, в общение друг с другом все свои несовершенства. Поэтому «заботы о личном совершенствовании становятся началом самоотдачи».

Рассуждая о церковной общине, Владыка Антоний говорит: «Беда нас, христиан, в том, что мы очень редко думаем, что нуждаемся в исцелении. Мы нетрезвы, мы опьянены очень многим... с одной стороны — миром *сим*, с другой — ложной церковностью... Мы отравлены нетрезвостью, но не сознаем этого и потому нам трудно действительно исцелиться хоть сколько-то».

Тейяр де Шарден (некоторые его мысли мне очень важны) говорил об извечном желании и долге человека соединиться с Богом. Но для этого «необходимо стать — стать самим собой настолько, насколько это возможно». В этом он видел истинно христианский долг. Мне кажется, одна из задач каждого человека в Церкви — развитие своих талантов. Как в евангельской притче: сначала увидеть, признать или принять свой талант, потом развить или умножить его и, как в притче, отдать Господину, ничего не присваивая себе. «Развивать себя, овладеть миром для того, чтобы быть. И потом принять умаление, чтобы принадлежать другому». Такая задача в Церкви ставится перед каждым. «Человек созидает свою душу до конца своей жизни — он таким образом участвует в становлении мира». Но «прежде, чем заниматься ближними, человек-христианин должен обрести свое собственное освящение». И это

невозможно осуществить в отрыве от Церкви. И владыка Антоний говорит о Церкви, об общине, «которая имела бы такую интенсивность, глубину жизни, которая позволяла бы каждому ее члену ожить, приобрести цельность, вырасти в полную меру, чего он не мог бы достичь иначе». Человек в Церкви может и должен возрастать в зрелую личность, («вырастать из своих грехов») способную принимать твердую пищу, личность, осознающую свое призвание, свою ответственность. Сейчас есть все условия для такого роста: Слово Божие, Церковь, группы, духовная литература. Человеку важно расставить для себя приоритеты. Тогда в момент испытаний, и в трудные времена, он может остаться верным Церкви, Христу, будет готов отвечать за свои решения, как самостоятельный член Тела Христова.

Пушкин писал: «По воле Бога Самого / Самостоянье человека / — Залог величия его».

Есть еще другой вопрос. Мы знаем, что Церковь больна болезнями общества, видим разделения, неверные действия. Как же нам относиться ко всему этому? Может ли отдельный член Церкви как-то противостоять греху в Церкви? Ответ я вижу в словах Антония Сурожского: «Вкусим горечь нашей разделенности — с болью, не стараясь избежать этой горечи, неся крест своего позора. Осознаем свою нужду и свою ответственность — и откроем свои сердца любви и смирению... Будем молиться в тайниках наших сердец, в семье, общине, помня слова Ефрема Сирина: Не заключай молитву свою в слова, но преврати в молитву всю свою жизнь».

Ольга Булычева

Вторая встреча малых групп

Приступая к Нему, камню живому, человеками отверженному, но Богом избранному, драгоценному, и сами, как живые камни, устрояйте из себя дом духовный, священство святое, чтобы приносить духовные жертвы, благоприятные Богу Иисусом Христом. (1Пет.2:4-5)

«Живые камни»

Моя ответственность за то, что есть в церкви сегодня, и за то, что будет.

Вопросы

- Что в Церкви является для Вас главным?
- Считаете Вы себя членом церкви или Церкви? Задумывались ли Вы об этом?
- Стала ли меняться Ваша жизнь, когда Вы вошли в Церковь? В чем?
- Воспринимаете ли Вы Евхаристию как делящуюся Тайную вечерю? Чем для Вас являются церковные праздники? Включают ли они Вас в ту часть жизни Церкви, которая является таинством?
- Чем церковное богообщение отличается для Вас от Вашего личного в молитве, чтении Слова Божия?
- Что Вы думаете об отношениях Церкви и мира? Зависят ли Ваши отношения с миром от того, что Вы являетесь членом Церкви?
- Что Вы испытываете и как себя ведете, когда встречаетесь с явлениями в жизни церкви, с которыми трудно согласиться?
- Согласны ли Вы, что разделяете ответственность за нынешнее состояние Церкви? Как она проявляется?

В следующей части нашей встречи было рассказано о разных аспектах понимания Церкви современными богословами.

О. Александр Шмеман о Церкви

Таинство Царства

«Лучезарное откровение Троичного Бога, триединства Божественной жизни, тайны Богочеловечества Христова, соединения в Нем — "непреложного, неизменного, неслиянного, неразлучного" — Бога и человека, нисшествие в мир Духа Святого и в Нем — "иного жития, вечного начала", — все то, чем буквально жила ранняя Церковь, чему радовалась как "победе, победившей мир", и что было в ней потому предметом напряженного осмысливания и страстных споров, — все это современному "религиозному" человеку не интересно». Так пишет прот. А. Шмеман в своей книге «Евхаристия. Таинство Царства».

Книгу свою Шмеман писал вдали от России, в обществе с другой культурной традицией, где православие — экзотика, а высокий уровень жизни сильно отдаляет человека от вопросов о глубинном смысле бытия и богооткровения. Может показаться, что сказано это не про нас: в России, в отличие от Франции и Америки, где жил Шмеман, интерес к религии и Церкви очень высок. Но в свете последних событий все более ясным становится, что мы, как и Запад, живем в эпоху постмодерна, главной характеристикой которой является утрата центра. Людей интересует не главное, не сущностное, а вторичное, подробности и детали, скандалы и казусы, но не суть и не смысл. Это касается

и христианства. Вот почему по последним общественным опросам число назвавших себя православными в стране вдвое больше числа верующих.

Все разговоры о Церкви, которые ведутся сегодня, не о Христе и Евангелии, не о спасении и Царстве Божьем, а — об иерархии и политике, о постах и уставах, о чудесах и преданиях старцев, об оскорблении религиозных чувств и проч. Но это все к Церкви имеет лишь косвенное отношение. Это и есть утрата центра, утрата главного. Мы собрались здесь, чтобы поразмышлять о том, что природа Церкви — не земная, *не от мира сего*, она таинственная и таинственная.

Итак, для чего же мы собрались? Свои размышления о Церкви в книге «Евхаристия. Таинство Царства» Шмеман начинает с Таинства собрания.

Само слово *церковь* (екклесия — *ἐκκλησία*) и обозначает *собрание*. Шмеман пишет: «Собраться в церковь, в понятиях раннего христианства, значит составить такое собрание, цель которого — выявить, осуществить Церковь». Не собравшись во имя Господа, не соединившись в Нем, поодиночке, мы не станем Церковью. Именно Церковь как *собрание верных* и совершает Евхаристию.

Но кто задумывается об этом? Мы идем в церковь, подразумевая храм; идем, чтобы помолиться и причаститься (последнее, впрочем, для многих не при каждом посещении церкви). Сейчас все распалось: считается, что Евхаристию совершают священники, а мы, миряне, приходим принять причастие. А для чего?

Для личного спасения или, хуже того, для благочестия или здоровья.

Снижение понимания Церкви до бытового уровня для Шмемана есть страшная подмена. Кто читал его Дневники, помнит, сколько гневных и язвительных слов он обрушивает на бытовое, обрядовое, «старушечье» православие, ибо, где Церковь «перестает быть символом, таинством, она — ужас, карикатура». После публикации Дневников Шмемана обвиняли в нелюбви к Церкви, но надо помнить, что Дневники он писал для себя, «в стол», не рассчитывая, что кто-то будет их читать публично. Их автор любил Церковь и плакал о ней, а потому критиковал. Но наряду с Дневниками, он писал свои книги, и в них он показывал высоту и глубочайший смысл Церкви, как задумал ее Господь.

В этом высоком и истинном измерении Церковь для Шмемана есть Таинство и в космическом и эсхатологическом измерениях. В космическом, ибо в *мире сем* она являет подлинный, первоизданный мир Божий, как начало, по отношению к которому мы только и можем осознать как высоту нашего горнего призвания, так и глубину нашего отпадения от Бога. Эсхатологически первоизданный мир, являемый Церковью, уже спасен Христом: в литургическом и молитвенном опыте он уже связан с тем, ради чего он создан: *дабы был Бог вся во всем* (1 Кор. 15, 23).

Это наглядно нам показывают иконы и росписи храма (они имеют, прежде всего, литургический, смысл). Вместе с пророками, апостолами, святителями, мучениками и новомучениками, вся Церковь, все собрание верных, восходит на небо, туда, куда ее

возводит и возносит Христос, — к Его трапезе, в Его Царство. В этом принимают участие и ангельский мир, и те, кого мы поминаем на Литургии в молитвах — ушедшие от нас и живые. Церковь **СОБИРАЕТ** всех. В том числе и нас, грешных. Но Церковь не "сумма" грешных и недостойных людей, а *Тело Христово, Царство, пришедшее в силе.*

Церковь как Таинство Царства — центральная мысль книги Шмемана. Все, что он пишет о Евхаристии, он пишет о Церкви, потому что Евхаристия творит Церковь. Таинство Евхаристии — это не одно из семи таинств Церкви (эти дефиниции возникли в средневековой схоластике): Церковь сама есть Таинство, природа которого проявляется через Евхаристию, Крещение и другие действия Духа Святого.

Шмеман пишет: «Таинство, в православном опыте, есть откровение, прежде всего, о таинственности самого творения, ибо мир был создан и дан человеку для претворения тварной жизни в причастие жизни Божественной. И если вода может стать крещальной баней *пакибытия*, если наша земная пища, хлеб и вино, может быть претворена в причастие Телу и Крови Христовым, если елеем даруется помазание Св. Духа, если, короче говоря, все в мире может быть опознано, явлено и принято как дар Божий и причастие новой жизни, то это потому, что все творение изначально призвано и предназначено к исполнению Божьего домостроительства - *да будет Бог всяческая во всем*».

Почему Церковь есть Таинство? Потому что в мире сем Она открывает нам иную реальность — реальность Царства Божия. Шмеман пишет: «Царство Божие есть

содержание христианской жизни. Царство Божие, по согласному учению Предания и Писания, есть знание Бога, любовь к Нему, единство с Ним и жизнь в Нем. Царство Божие есть единство с Богом как с источником жизни, как с Самой Жизнью. Царство Божие есть содержание вечной Жизни - *сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя (Ин. 17,3)*».

Собственно, об этом все Евангелие (Благая весть) — Слово Божье о Царстве Божьем. И это раскрывается в Литургии, первая часть которой называется Литургией Слова. Но это не просто та часть, где читается Св. Писание. Это Таинство Слова, которое есть суть Церкви: как *Слово стало плотью и обитало с нами, полное благодати и истины (Ин. 1, 14)*, так и нам надлежит войти в Его божественную жизнь, чтобы и в нас проявилась полнота бытия. «В Предании Церкви, литургическом, духовном, именно в неразрывной связи Слова и Таинства исполняется сущность Церкви как воплощения Слова». Про Церковь в Книге Деяний сказано: *и Слово росло...* (12, 24).

В Евхаристии мы причащаемся Тому, Кто приходит и пребывает с нами в *Слове, Которое* полагает Таинство как Свое исполнение, ибо в Таинстве Христос-Слово становится нашей жизнью. Слово собирает Церковь для Своего воплощения в ней. Шмеман подчеркивает: «В отрыве от Слова Таинству грозит быть воспринятым как магия либо быть сведенным к доктрине».

И, наконец, именно Таинством претворяется в толкование Слово, ибо толкование *Слова* есть всегда свидетельство о том, как Слово становится жизнью.

Только в неразрывной соединенности Слова и Таинства можно по-настоящему понять смысл утверждения, что Церковь одна хранит истинный смысл Писания. То есть, не просто книгу, слова, заповеди, но Дух и Смысл.

Вторая часть Литургии называется «Литургией верных». И мы слышим возглас: «*Елицы вернии*» — только верные. Что он означает для нас?

В древней литургической практике после возгласа: «Оглашенные изыдите, елицы верные...» те, кто не причащался, выходил, сейчас никто никуда не выходит. И возглас повисает в воздухе. Люди, как стояли в храме, так и стоят. Но те, кто на Литургии верных, услышав Слово о Царстве, даже не думают подходить к Причастию, не участвуют в Евхаристии. Это значит они не верные, не верны тому, что сказал Христос: «Сие творите в Мое воспоминание» (Лк.22,19). Поэтому Шмеман и говорит о Таинстве верных.

И тут проявляется парадокс Церкви. С одной стороны — Церковь для всех, с другой — малое стадо, остаток, соль, верные. Церковь — это не только *званые*, но и *избранные*. Церковь — это все вместе, но не толпа, где человек может затеряться и затереться. Церковь космична, но ни одно Я в ней не растворяется. Но при этом каждый верный это тот, кто откликнулся на призыв Любви, кто почувствовал себя избранныком Христа.

Именно в Таинстве верных проявляется избранность Церкви, то ради чего мы собраны и отделены от мира. Шмеман это объясняет так: «Церковь отделяется от мира, потому что, будучи Телом Христовым, она уже *не от мира сего*. Но

отделение это совершается ради мира, для принесения Жертвы Христовой *о всех и за вся*».

Церковь не от мира и не может раствориться в мире, она другой природы, она по отношению к миру — как вода и масло. Но при этом Церковь отдает себя миру в жертвенной любви. Мать Мария говорила так: «мирское не отдает себя миру, а христианство отдает». Отделяясь от *мира сего*, Церковь приносит себя миру.

Одна из глав книги Шмемана так и называется «Таинство приношения» с эпитафией: *Христос возлюбил нас и предал Себя за нас в приношение и жертву Богу*. (Еф. 5, 2).

Христос принес Себя за жизнь мира. Первые христиане приносили дары, на которых совершалась Евхаристия, мученики приносят себя в жертву любви и т.д. Что мы приносим сегодня? Что отдаем мы?

В основе любой религии лежит жертвоприношение, которое восстанавливает отношения Бога и человека. Но в христианстве Бог не требует от нас жертв, Христос Сам принес Себя в жертву искупления. Так чего же ждет от нас Бог? Шмеман пишет так: «На последней своей глубине религия есть не что иное, как жажда Бога: *Жаждет душа моя к Богу крепкому, живому*. (Пс. 41,3) Там, где есть эта жажда Бога, сознание греха и тоска по подлинной жизни, там неизменно есть жертва. В жертве человек отдает себя и свое Богу, потому что, узнав Бога, он не может не любить Его, а возлюбив, — не стремиться к Нему и к единству с Ним».

И потому — Церковь есть Таинство единства. Единства с Богом и друг с другом.

Но, как пишет Шмеман, единство единству рознь. Церковь — это единство сверху, от Бога, оно осуществляется через Иисуса Христа, Духом Святым. А люди предпочитают единство снизу — национальное, конфессиональное, партийное, семейное и проч. Церковь — это единство в любви. Религиозный опыт — это всегда встреча с Другим. А христианский опыт — это любовь к другому, не только к своим, но и чужим, потому и заповедует Христос: *а Я говорю вам: любите врагов ваших.*

В Церкви мы учимся единству. Учимся любви. «Собрание в Церковь есть, прежде всего, таинство любви. В церковь мы идем за любовью, за той новой любовью Самого Христа, которая даруется нам в нашем единстве».

В этом Церковь отлична от мира, где как раз объединяются, чтобы разделиться, дружат против другого. «Сущность падшего мира в том, — пишет Шмеман, — что в нем воцарилось разделение, отделение всех от всех, которого не преодолевает "природная" любовь некоторых к некоторым и которое торжествует и исполняется в последнем "отделении" — в смерти... Сущность же Церкви - явление и присутствие в мире любви как жизни и жизни как любви. Исполняясь сама в любви, она об этой любви свидетельствует в мире и ее несет в мир и ею *врачует тварь*, подчинившуюся закону разделения и смерти. В ней каждый таинственно получает силу *любить любовью Иисуса Христа* (Фил. 1, 8) и быть свидетелем и носителем этой любви в мире».

Изначально мы не умеем любить даже своих. И через Церковь как Таинство единения Христос меняет нашу падшую природу. Через Христа мы обретаем любовь. «Пребыть во Христе — это значит быть и жить в Церкви, которая есть Жизнь Христова, сообщенная и дарованная людям, и которая живет любовью Христовой, пребывает в Его любви. Любовь Христова есть начало, содержание и цель жизни Церкви, и любовь есть, по существу, **признак** Церкви, объемлющий все остальные: *Посему узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою* (Ин. 13,35)».

Через Христа, через Церковь мы обретаем единство. Шмеман пишет: «Слово *единство* потому Божественно, что в опыте христианской веры отнесено оно, прежде всего, к Самому Богу, к откровению Божественной Жизни как Единства и Единства как содержания и полноты Божественной Жизни. Бог открывает Себя в Своем Троиединстве и Троиединство как Свою Жизнь, и это значит — как источник и начало всей жизни, как поистине Жизнь жизни...»

Великий русский святой Сергей Радонежский учил своих учеников: воззрением на Святую Троицу побеждается ненавистная рознь мира сего.

Евхаристия — есть таинство благодарения. Но поскольку Евхаристия — это эпицентр Церкви, то и Церковь есть Таинство благодарения.

«Благодарение, — пишет Шмеман, — это опыт рая... Из лучезарной глубины пасхальной ночи обращаем мы к воскресшему Христу ликующее утверждение: *Ты открыл нам райские двери...* Мы

созданы в раю и для рая, мы изгнаны из рая, Христос вводит нас паки в рай... *Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога* (Ин. 17,3). В этих словах Христа – все христианство».

Шмеман подчеркивает, что благодарение является признаком, присутствием, радостью, полнотой знания Бога как знания-встречи, знания-общения, знания-единства. Невозможно знать Бога и не благодарить Его, как невозможно благодарить Бога, не зная Его: «Рожденный от Бога, познавший Его — благодарит, благодарящий — свободен, и в том сила и чудо благодарения, как свободы и освобождения, что он уравнивает неуравнимое: человека и Бога, тварь и Творца, раба и Владыку».

Всякое таинство совершается Святым Духом, и потому Церковь — это Таинство Святого Духа.

Церковь родилась в день Пятидесятницы от Духа Святого. И этим Духом она живет. Все остальное — от Него. «*Изволилось Духу Святому и нам*» — так свв. отцы Вселенских соборов творили догматы. Все таинства церкви — Крещение, Миропомазание, Бракосочетание и проч. — осуществляются Духом Святым.

Церковь — Тело Христово, богочеловеческий организм, и потому, несмотря на грехи людей, священноначалия или мирян, несмотря на гонения мира или любовь властей, ее созидает Дух Святой. поэтому *врата ада не одолеют* Церкви.

Шмеман пишет: «Церковь — не организация, а новый народ Божий, Церковь — не культовая религия, а Литургия, обнимающая собою все творение Божье,

Церковь — не учение о загробном мире, а — радостная встреча Царства Божьего. Она есть таинство Мира, таинство Спасения и таинство воцарения Христова».

Ирина Языкова

Принципы богословия митрополита Антоний Сурожского

Моя тема: Владыка Антоний, и я расскажу, как я увидела его в первый раз. Это не входит в мой доклад, но относится к нашей теме. Мне очень хочется об этом вспомнить. Был крестный ход: переносили мощи святителя Тихона. Шли ряды священнослужителей, епископов — сверкающие рясы, парча, золотые кресты. Толпа стояла и глазела, и я была в этой толпе. А в конце процессии шел маленький, сухонький скромный человек, совершенно один. И вся толпа ринулась к нему под благословение! Я тогда в первый раз его увидела. И потом, когда я уже стала церковным человеком, он стал для меня любящим утешителем.

А сейчас, когда мне понадобилось, я нашла у него слова, созвучные своим мыслям, которыми и поделюсь с вами. Вот что он говорит теперь, в последних своих беседах. Он ничего не писал, он все рассказывал. Он был удивительный рассказчик, от сердца к сердцу. И эти доверительные интонации сохранились во всех его книгах. «Мы живем в мире трагическом, в мире, который сейчас пожинает плоды всей человеческой неправды, с которой наши предки мирились и мы миримся, пока она не вылилась на нас самих. И каждый из нас несет за это ответственность. В нас живет сила Господня, и если мы этой силой не творим на Земле

правды Божьей, то мы подобны соли, которая потеряла силу, и ее надо выкинуть. Не для того Господь создавал Церковь, чтобы она стала замкнутым, трусливым обществом людей, прячущихся под Божье крыло. Христос создал Церковь, чтобы люди, облеченные Его духом, ценой своей жизни, своего страдания, своей смертью создавали новый мир, где царствовала бы Божья правда... Надо войти в Его труд и помнить, что Своим ученикам Христос сказал, что посылает их, как овец среди волков. Как Отец послал Его, чтобы остаться непричастными к нечистоте этого мира и, вместе с тем, чтобы войти в него всей огненной любовью, всей готовностью жертвовать собой, смирением перед спасающей Божьей волей». Осуждать мир не наше дело, мы несем за него большую ответственность, чем те, кто творит неправду. Каждый из нас должен внести в мир столько любви, смирения, понимания путей Божьего милосердия, чтобы кто-то другой получил прощение и новую жизнь. Соберем все силы духа, чтобы принести эту жертву.

Для вл. Антония началом веры был опыт Встречи человека с Богом. Вы все знаете о том, как он, подростком, взяв в руки Евангелие, встретил Христа. Только человек, встретивший Бога, может считаться верующим, сохраняя при этом творческое сомнение в букве, заслоняющей Дух веры. «Для спасения нужна великая вера, великое рвение и великое сомнение в словах будд и патриархов». То есть Встреча, чувство реальности Бога гораздо важнее различий буквы вероисповеданий, поместных церквей и религий. Богословие вл. Антония можно назвать

евхаристическим богословием общения. В нем соединяется Евхаристия и служение христиан в миру. Для этого богословия главным языком является гимн хвалы, так как Встреча порождает ликование.

Еще один важный момент открывает нам вл. Антоний: в человеке есть «нечто», чего нельзя увидеть в повседневной, обыденной жизни, и чего сам человек в себе не видит. Это «нечто» раскрывается в момент встречи. Это и есть наша личность. То есть, личность входит в мир благодаря Встрече. Вл. Антоний считает, что, сколько бы мы ни всматривались в себя, сколько бы ни находили в себе важного, найти собственную личность мы не можем. Это возможно только внутри события Встречи. Конечно, если она подлинная. Подлинность же встречи мы понимаем, когда видим лицо пережившего Встречу человека. Оно начинает сиять, так как проступившая в нем Личность делает лицо **лицом**. Это не эмоции, так как в этот момент человек освобождается от поверхностных эмоций, и тогда пробуждается глубинное религиозное чувство».

Вторым обязательным условием веры вл. Антоний считает открытость, и как следствие – уязвимость. «В молитве, - говорит он, - человек уязвим. Вы не должны быть охвачены ни энтузиазмом, ни отрицанием, только быть открытым. Это вся цель аскезы – открыться». Мы же стремимся в своем религиозном поиске к максимальной неуязвимости, и это самое нездоровое проявление постсоветской религиозности. По словам митр. Антония, «мы должны согласиться быть только тем, чем был Христос, – уязвимым, беззащитным, презираемым, но в то же время

открывать чрезвычайное величие человеческого рода. Тема присутствия Христа в мире должна начинаться с утверждения, что Христос дает нам силу быть уязвимыми, когда посылает, *как овец в стаю волков*. И еще один очень важный аспект уязвимости указывает митр. Антоний: «быть уязвимым по отношению к обвинению в ереси, отстаивая единство веры и свободы». (Как это делал, добавим, отец Александр Мень).

Верующие в современной России испуганы, боятся сделать что-то не то. После всех лет, когда не было возможности свободно думать и говорить, как не было и желания перерастать XIX век, осталось очень много страха и желания повторять только то, что уже принято и стало языком церкви. После всех лет, когда церкви можно было существовать только крайней верностью форме, очень страшно начать думать и ставить вопросы. Это должно рано или поздно перемениться. Не упускаем ли мы момент, когда нам дается возможность стать из церковной организации *Церковью*? Отец Георгий Флоровский (цитирует его владыка) как-то сказал: «Нет ни одного св. отца, у которого не было бы ереси. Очень важно мыслить и делиться мыслями, даже с риском, что завремся. Кто-нибудь потом поправит». Свободу вл. Антоний считает важнейшим религиозным принципом.

Вл. Антоний говорил во весь голос, отчетливо сознавая, что не все будет воспринято с симпатией. Он не боялся критиковать, говоря: «Позор моей церкви – мой позор». «Свободный – не означает отрицание

основ веры, презрение к прошлому, но Бог рабов не хочет: *Я вас больше не называю рабами, но друзьями*».

Православие вл. Антоний понимал как диалог с Христом, что ближе к ветхозаветному ощущению Бога, чем к византийскому чину. Поэтому благодарение – важнейший аспект его богословия. Он говорит, что благодарение необходимо не как ожидание чуда, а как узнавание повседневности как чуда, как дара. Это, когда я понимаю, что все, что я имею, все, что я считаю своей собственностью, – есть дар.

Православие, как его понимал вл. Антоний, могло осуществлять чаяния многих западных собеседников, ожидающих от России возрождения подлинной Восточной Церкви, способной вступить в диалог с Западными Церквями, восполнить единство. Совершится ли это? Будет ли услышан призыв вл. Антония? Пока что мы вертимся в порочном кругу: свободная Россия не выстраивается без церкви, веры и свободы, а такая церковь не складывается из людей, выросших в рабстве.

Лилия Ратнер

Прот. Николай Афанасьев

Церковь Духа Святого

«Мы живем в исключительно тяжелое время. Если бы кто пожелал составить обвинительный акт против нашей церковной жизни, то вынести оправдательный вердикт было бы невозможно... В наше время исключительно человеческие страсти выступают в обнаженном до крайности виде, не закрываясь даже догматическими спорами. Церковь рассматривается, как организация, подчиненная человеческим законам,

и, как организация, отдает себя на служение человеческим задачам. Человеческая воля господствует в ней самой, и человеческая воля вне ее стремится обратить Церковь Божию в средство для достижения своих целей. Никогда, может быть, сами верующие не отдавали так на поругание «невесту Христову».

Эти слова были написаны в 1950 г. в Париже, в докторской диссертации о. Николая Афанасьева, профессора Свято-Сергиевского богословского института в Париже, «Церковь Духа Святого». О. Николай как богослов занимался, в основном, экклезиологией. По работе о. Николая Афанасьева мы рассмотрим евангельское учение о Церкви, что может помочь нам увидеть и причины ее нынешних проблем. (Все цитаты из этой работы выделены курсивом без ссылки.)

Священническое служение всех членов Церкви. В Священном Писании все христиане однозначно называются царями и священниками, развивая обетование, данное Господом Своему народу в Ветхом завете: *Итак, если вы будете слушаться гласа Моего и соблюдать завет Мой, то будете уделом Моим из всех народов... А вы будете у меня царством священников и народом святым (Втор 14:2). И в Новом завете: Вы род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел... (1 Пет 2:5,9,10)* Каждый член Церкви принадлежит к этому народу. На всех изливает Господь Духа Своего, не некоторые, а все получают дары Духа. *Крещение, миропомазание и Евхаристия — вот три благодатных момента, через*

которые верующий, вступая в Церковь и становясь членом народа Божьего, пребывает в ней в своем царственно-священническом достоинстве. Священническое служение всех членов Церкви выражается прежде всего в Литургии, то есть «общем деле».

Церковь как Евхаристическое собрание. Однако сейчас, к сожалению, мало кто определяет свое место в Церкви, связывая его с учением о Церкви как Евхаристическом собрании, которое *было собранием народа священников, ... выявлением Церкви Божьей во всей ее полноте. Церковь там, где Христос, но Христос присутствует каждый раз в полноте единства Своего тела в Евхаристии.* Именно это навсегда определяет единство как признак Церкви.

Как множественность Евхаристии во времени не разделяет единого тела Христова, т.к. «Христос и вчера, и сегодня, и вовеки тот же», так и множественность Евхаристических собраний не разрушает единства Церкви Божьей... Сколько ни росло число местных церквей, единство Церкви оставалось ненарушенным, т. к. во всех были не разные Евхаристические собрания, а одно и то же. Это обязательно для всех членов Церкви, поэтому *новокрещенный, получивший благодать служения, сразу же вводится в Евхаристическое собрание.*

В настоящее время свою принадлежность к Церкви многие люди обосновывают только формальным принятием Крещения, забывая или не зная о своем главном призвании и служении в Церкви. Острота проблемы восприятия единства Церкви возникает из-за

того, что у нас нет евхаристического общения со многими христианами.

Клирики и миряне. Помимо общего священнического служения, в Церкви существуют особые служения. Остановимся отдельно на служении предстоятеля. В Евхаристическом собрании все священнодействовали, но это священнодействие всех выявлялось через одного – предстоятеля [или священника]. Такова природа всякого священнодействия в Церкви. Предстоятель возносит благодарение, на которое народ отвечает: аминь. [Предстоятель] приносил «благодарение»..., но всегда совместно со всеми..., т. к. не только он, но и все были священниками Богу Вышнему.

Однако в истории произошло искажение: члены Церкви стали разделяться на клир и мирян. Сначала в церковь проникло римское право, а затем – учение о посвящении. Пресвитеры стали восприниматься как "посвященные", подобно языческим жрецам. Таинство священства стало восприниматься посвящением. А «непосвященные миряне» – только принимающими Дары: По современному учению миряне исключены из области священнодействия. На самом деле в Церкви не должно быть «мирян» как «непосвящённых». Это сохранилось и в Литургии, и в основах веры. Правильно было бы считать всех христиан посвященными, а посвящением – Таинство крещения. Как следствие, мы видим сегодня в практике Церкви следующие искажения:

– недоступность для мирян так называемых «тайных молитв», произносимых в алтаре, когда

верующие не слышат главную часть евхаристического канона – вершину литургии;

– причащение не всех участвующих в Литургии;

– совершение Литургии в пустой церкви;

– пассивность мирян, воспринимающих себя как непосвященных, отсюда отказ от собственной ответственности, искание «старцев», чудес;

– и как обратная сторона этого – младостарчество.

Рассуждение и испытание. О. Николай Афанасьев далее рассматривает различные особые служения в Церкви. Остановимся на одном из них, общем для всех членов Церкви – рассуждении и испытании того, что делается в Церкви. Дар управления дается епископу, но необходимо согласие народа на то, что должно совершиться в Церкви, и принятие того, что в ней совершилось, как соответствующее воле Божьей. Это согласие и принятие были свидетельством Церкви о том, что предстоятели действуют и управляют согласно воле Божьей. Это указывает и на то, что предстоятели действуют в среде народа, а не отдельно от него.

Начиная с Константиновской эпохи, в церковь проникают принципы римского права, что неизбежно разрушило первоначальное согласие — симфонию — между народом и епископом. Епископ становится высоким чиновником и князем церкви, которому народ и клир обязан был подчинением. О согласии народа ... не могло быть речи, т. к. у [народа] была отнята всякая активность... Правовые основы церковной жизни перешли вместе с христианством из Византии в русскую церковь. Вся церковная жизнь была построена на правовом начале, а сама Церковь стала

государственным учреждением. [Разобщение] между епископом и народом даже при доброй воле отдельных епископов не могло быть преодолено.

К этим словам о. Николая Афанасьева и сегодня трудно что-то добавить. Сейчас верующие совершенно не могут влиять на действия патриарха, Синода, что неизбежно требует не критического восприятия любых их постановлений.

Выводы. Из всего сказанного видно, что корни большинства сегодняшних проблем Церкви вытекают из того, что в практике издавна искажены некоторые основы учения о Церкви, вытекающие из Евангелия.

Что же можно тут делать нам, простым мирянам, чтобы не только критиковать недостатки, а влиять на ситуацию?

Думаю, что если мы будем сами правильно относиться к служению в Церкви, воспринимать себя не как непосвященных, то это уже будет постепенно менять ситуацию. Наверное, не следует ждать каких-то революционных изменений или постановлений собора, а просто самим правильно воспринимать свое место в Церкви. Если мы будем об этом свидетельствовать, то, я верю, ситуация будет меняться изнутри.

Сергей Беспалько

Сергей Иосифович Фудель

Прежде, чем приводить размышления С.И. Фуделя о Церкви, необходимо сказать несколько слов о нем самом. Сергей Иосифович Фудель, сын известного тюремного священника, вырос в глубоко верующей семье, и с раннего детства впитал в себя любовь ко

Христу, к Церкви и ее святым, к православному богослужению. Его жизненный путь совпал с самым трагическим периодом в истории нашей страны. С.И.Фуделя трижды арестовывали. 12 лет он провел в тюрьмах и ссылках, долгое время не мог соединиться с женой и детьми. Но, несмотря на все страшные испытания, через которые прошел этот человек, он сумел сохранить в себе истинную веру, верность Христу и Церкви.

Сергей Фудель был живым свидетелем тех гонений, которые претерпела Церковь в эпоху тоталитаризма. В тюрьмах и лагерях ему приходилось встречаться с замечательными служителями Церкви, многие из которых ныне причислены к лику святых. Тем важнее для нас размышления этого человека о том, что значит для него Церковь. Он записал их уже в конце жизни, и эти его свидетельства уже помогли не одному поколению христиан обрести для себя Церковь как родной дом, как свою духовную семью.

Итак, что же пишет С.И.Фудель о Церкви? Он отмечает, что поверить в Церковь мы можем лишь тогда, когда поймем, что она – цель Божьего домостроительства и задумана Богом еще прежде создания мира. Жизнь Церкви – это продолжение в истории жизни Иисуса Христа. Церковь – есть сораспятие Ему и воскресение с Ним. Вот почему она переживает временами те же чувства смертельной скорби и полной оставленности, которые испытывал Христос.

По мнению Фуделя, Церковь ни в коем случае не должна обмирщиваться, ибо сила ее как раз и

заключается в неотмирности. Когда же Церковь обмирщвляется, она отказывается от своей силы и изменяет своему Господу. Конечно, процесс обмирщвления происходил в ней всегда (Фудель здесь напоминает нам об Анании и Сапфире). Но за последние века он особенно усилился.

Размышляя над определениями Церкви в Символе веры, Фудель настаивает на том, что Церковь может быть только одна. Однако, утверждая свою единственность, она в то же время хранит в себе сверхисповедное сознание всех христиан, всего верующего человечества и всего творения Божия, вот почему на литургии она молится о всех и за вся. Соборность Церкви Фудель понимает как единство учеников Христа, собранных в Его святом Телес. Поэтому Церковь в его представлении – это вселенская дружба Христовых учеников, их единство в любви. («Церковь есть тайна преодоления одиночества», – говорил он). Апостольской же Церковь является потому, что в течение всей своей исторической жизни она получает через святых то, что передали ей взрастившие ее Апостолы. Однако ведет Свою Церковь Сам Христос.

Особенно большой интерес представляют размышления Фуделя о святости Церкви. Он утверждает, что существует лишь одна святая Церковь, потому что в ее теле Святым Духом продолжает жить Христос.

Церковь основывается на таинствах, и прежде всего это литургия, в центре которой Христос. Литургия же вечна, ибо это непостижимое воспоминание о

Голгофе и Воскресении. Однако, по мнению Фуделя, святость Церкви не только в таинствах, но и в реальных людях, собранных во имя Христово. Она создается святостью живущих в ней святых. Поэтому Святая Церковь так же для нас непостижима, как непостижим Бог. Ведь мы не можем зримо увидеть тело Христово. А потому не можем знать, кто из людей в данный момент состоит в Святой Церкви, а кто нет. «Каждый из нас может сейчас быть плевелом, а через час – пшеницей», – говорит он. (При этом Фудель обращает внимание на то, что слово *святой* и сейчас продолжает иметь то же самое значение, какое имело в апостольские времена: оно тождественно словам *верующий* и *верный*). И если уж говорить о нашей вере в Церковь, то это вера именно в Святую Церковь. Не в людей, которые ею руководят, а в благодать Божию, которая через этих людей или помимо них сохраняет святость Церкви.

Очень много внимания в своих размышлениях Фудель уделяет страшной болезни Церкви – существованию в ней зла. Он говорит, что эта болезнь возникла в Церкви из-за того, что когда-то в ней произошел отрыв веры от любви, и вероучения от жизни. При этом, как отмечает Сергей Фудель, *темный двойник* был в Церкви во все времена. Ведь уже на Тайной вечере присутствовал Иуда, о чем нам постоянно напоминает икона Тайной вечери над Царскими вратами. Таким образом, тьма всегда стремится объять Церковь. Однако даже присутствие в ней тьмы омрачить свет Вселенской Церкви не может.

Более того, Фудель считает, что наличие в Церкви ее *темного двойника* промыслительно попущено Господом для испытания нашего смирения и любви, для того, чтобы верные могли совершать свое сораспятие Христу. И такое сосуществование в земном историческом пути Церкви добра и зла будет, по его мнению, продолжаться вплоть до Страшного суда. Только там окончательно *отделят злых из среды праведных*.

Конечно, мы не должны закрывать глаза на имеющееся в Церкви зло. Но при этом нам надо понимать, что все искаженное и нечистое в церкви – не есть Церковь, наоборот, это антицерковь. Поэтому наша задача: что бы ни смущало нас, искать в Церкви только Христа. И еще одну, очень важную для нас вещь говорит Сергей Фудель. Для того чтобы не иметь общения с тем злом, которое мы видим в Церкви, нам вовсе не надо выходить за ее ограду. Нужно лишь самим в этом зле не участвовать. Но при этом мы должны хорошо помнить вопрошания Апостолов на Тайной вечере: *«Не я ли, Господи?»* Ведь та же самая болезнь Церкви есть во всех нас. А значит, зло мы должны искать в себе, а не в других. Вот почему всякая внутренняя духовная борьба христианина со своими грехами есть борьба за святую Церковь и в себе, и в истории. А всякое наше личное зло, которое мы приносим в Церковь, есть зло против нее.

Лидия Маянц

Мать Мария о настоящем и будущем церкви

Я вчера, говоря о Наталье Дмитриевне Шаховской, сказала, что меня в последнее время очень волнует, скажем так, женская святость. Среди канонизированных святых большинство мужчин. В церкви в целом – большинство, как мы видим, женщины, обычно занятые своей жизнью, семьей, работой... И каким может быть для женщины путь в Царство? Один образ – это Наталья Дмитриевна, о чем мы говорили вчера. И второй, для меня очень важный, это образ матери Марии. Я думаю, что здесь нет нужды говорить о ее пути, – мы все знаем мать Марию как мученицу, отдавшую свою жизнь в концлагере. Известно, что она пошла в газовую камеру вместо другой женщины, матери троих детей, что это было буквально за 8-9 дней до освобождения, то есть она, возможно, могла бы еще остаться в живых. И все, кто ее знал, свидетельствовали о том, что там, где была мать Мария, включая концлагерь, она несла с собой радость, даже в самых тяжелых обстоятельствах. Во Франции в эмигрантской среде она ездила, навещала русских эмигрантов, подчас находившихся в страшных условиях, проповедовала, читала лекции, а иногда просто убирала, ухаживала за ними. В результате возникло благотворительное и культурно-просветительное объединение «Православное дело». Это известно.

Гораздо неожиданнее мать Мария для меня открылась как религиозный философ. Ее работы опубликованы в книге «Жатва духа». И в центре практически всех ее размышлений – Церковь. Мать

Мария пережила трагедию эмиграции из Советской России во Францию. Ее личные страдания и размышления в каком-то смысле были страданиями всей эмиграции и, можно сказать, русской интеллигенции. Поэтому через личное ей открывалось многое об историческом пути России, Церкви, и Православия.

Отрывки из работ матери Марии говорят сами за себя. Вот в маленькой работе «Настоящее и будущее Церкви» мать Мария пишет: *«Каковы бы ни были тяжести и муки исторических условий существования Церкви, для православного человека остается неизменным основное обетование о ее судьбе: врата ада не одолеют ее. Можно сомневаться в дальнейшем существовании своей родины, можно быть даже уверенным, что ни одно государство, ни один народ, ни одно жизненное устройство не обладает признаками вечности, – несомненной остается только вечность жизни Церкви: врата ада не одолеют ее, она и в дни Второго Пришествия и Страшного Суда будет все той же в Пятидесятницу основанной Церковью».*

Но мать Марию волнуют закономерности того, что происходило с Церковью на протяжении веков: она сравнивает гонения на первых христиан и Константиновский период. *«Трудно сказать, что для Церкви тяжелее, что больше искажает ее лик: гонения или покровительство. Гонения в первую очередь уводят на мученичество и смерть самых верных, самых жертвенных, самых горячих сынов церкви. Гонения соблазняют слабых, уничтожают*

возможность проповеди и научения. Церковь во время гонений уходит в катакомбы, голос ее перестает звучать. Таковы бедствия, причиняемые гонениями. Но они являют нам святость церкви, объединяют ее верных детей, очищают церковную жизнь от вялости быта, безразличия, случайности, объединяют малое стадо. Покровительство со стороны государства медленно внедряет в церковную жизнь нецерковные понятия, подменяет лик Христов, производит смещение планов. Церковная жизнь постепенно перерождается в жизнь по типу любого человеческого установления, принадлежность к церкви становится обязательной с государственной точки зрения, ... механически включая в ее состав всех случайных людей. Христова истина подменяется бесчисленными правилами, канонами, традициями, внешними обрядами... Умалается внутренняя жизнь и подвиг церкви. Таковы опасности государственного покровительства». Это сравнение не в пользу ни периода гонений, ни периода единения церкви и государства. И для матери Марии очевиден вывод о том, что ее время, когда церковь находится в эмиграции, – исключительный период в ее истории. Эти, к тому моменту, 20 лет она считает огромным счастьем. *«Мы небольшой осколок церкви, оказавшейся в положении, в котором церковь никогда не бывала, - т.е. на свободе от гонений и от государственных подачек. Разбросанная по территориям многочисленных государств, церковь в эмиграции вольна жить, лишь руководствуясь ей самой присущими законами. В этом провиденциальный*

смысл невыносимого, ненормального положения». Да, людям очень тяжело, церковь не получает поддержки ни от государства, ни от каких организаций. Но она приобрела ту внутреннюю свободу, которая необходима для нормального существования. В этом мать Мария видит ответственность церкви: «необходимость действительно осуществить себя в свободе, не только уберечь ценности, которые даны ей и которые сейчас в России истребляются, но и восстановить те ценности, которые истреблялись властью благожелательной. Мы должны вольно и ответственно принять нашу церковную судьбу как подвиг, как крест, возложенный Богом на наши плечи», – пишет мать Мария.

Она пытается заглянуть и в будущее. Ее заботит будущее церкви в самой России, не в эмиграции. Подвиг и крест, по ее мнению, ожидает там будущее церковное строительство в начале его разрешения со стороны властей... В церковь придут новые кадры людей, этой властью воспитанных... Они придут с психологией, основанной на уставности, законности и т.д. Закончу очень большой цитатой: «Сначала они, – пишет м. Мария, – в качестве очень жадных, восприимчивых слушателей, будут изучать различные точки зрения, посещать богослужения и т.д. А в какую-то минуту, почувствовав себя церковными людьми, по полной своей неподготовленности к антиномическому мышлению, скажут: вот по этому вопросу существует несколько мнений – этого не может быть, потому что несколько одновременно истинными быть не могут.

Вот это истинное, а это должно быть истреблено, как ложное. Вскоре эти люди начнут говорить от имени Церкви, воплощая в себе признак непогрешимости. Они воспылают страстью ересемани и будут уничтожать противников... Тут нельзя иметь никаких иллюзий. В случае роста внешнего успеха церкви, она не может рассчитывать ни на какие иные кадры, кроме кадров, воспитанных в некритическом, догматическом духе авторитета. А это значит – на долгие годы замирание свободы. Это значит – новые Соловки, новые тюрьмы и лагеря для всех, кто отстаивает свободу в Церкви. Это значит – новые гонения и новые мученики и исповедники. Было бы от чего прийти в полное отчаяние, если бы, наряду с этим, не верить, что подлинная Христова истина всегда связана со свободой. Что бы ни случилось в жизни церковной – ласкательство ли государства, гонение ли безбожников, искажение ли духа Христовой свободы, – ничего не страшно, потому что врата ада ее не одолеют. А наш путь, наше призвание, наш подвиг и крест – пронести свободную Христову истину через все испытания».

Карина Черняк

О книге отца Александра Меня «Церковь и мы»

Мы сейчас слышали о замечательных деятелях Церкви. Среди них только С. И. Фудель был человеком, жившим в условиях Советской России, и писал под впечатлением реальности 20, 30, 40-х годов.

Мне поручено рассказать о взглядах на Церковь отца Александра Меня, нашего современника. Конечно,

в кратком сообщении трудно изложить его теологию, да ее, как системы, и не было. Были просто те или иные взгляды, замечания. И я взял только одну его книгу: «Церковь и мы». Это тексты не опубликованных ранее домашних бесед, на которых в очень простой обстановке речь шла о многих важных вещах. Беседу «Церковь и мы» он начинал с того, что при появлении Церкви на исторической арене, она испытывала два противоположных влияния: первое – это влияние иудейской древней церкви, и второе – влияние языческое. Первая Церковь из иудейской традиции унаследовала много полезного и важного, например Псалтирь: без псалмов, без этих замечательных древних молитв, трудно представить себе русскую духовную жизнь. И всегда следует поминать, что эти ветхозаветные молитвы – свидетельство о Божьем народе, как Библия называет народ иудейский. Замечательные слова, образы, поэзия! Многие наши церковные обычаи (я не буду перечислять их) – это тоже ветхозаветная традиция. Но влияние иудаизма было, конечно, кратким. Церковь христианская довольно скоро отошла от него, разделение произошло уже к 4-му веку. А вот влияние языческое было и остается, потому что, в сущности, вся предшествующая жизнь человечества шла под влиянием окружающего мира и в духовном взаимодействии с ним. Если взаимодействие основывалось на каких-то ассоциациях, то это вещи сравнительно безобидные. Но были и опасные вещи. Отношение к культу (иногда к культовым предметам) соответственно рождало какой-то культ формы или человека. Язычество проникало и

в христианское мировоззрение, потому что для язычества была и до сих пор есть почва в биологических чертах человека: злоба, агрессия – языческие вещи, чуждые христианству. Отсюда крестовые походы, нетерпимость, инквизиция и прочее. Для язычества характерна статическая картина мира – мир, какой он есть, всегда был и будет таким. Если даже случится катастрофа, потом снова родится точно такой же мир, и все будет, как было. Это порождает, конечно, и соответственный тип благочестия. В сущности, это понятно: в хрупком окружающем мире человеку хочется иметь что-то устойчивое, неизменное. Отсюда любовь к церковной обстановке, расположению икон, обряду и прочее. Отсюда вырастает и борьба за сохранение богослужебного языка, и сопротивление научной картине мира. Сколько шла борьба с гелиоцентризмом (это представление, что солнце, а не земля в центре нашей солнечной системы)! Продолжением этого сейчас является борьба с эволюционным учением, неприятие идеи, что мир развивается от простого к сложному, как это и описано в Библии. В сущности 1-ая глава кн. Бытия – это как раз первое эволюционное изложение картины мира. Но язычество против этого сражается.

В наше время, в 21-м в., когда Церковь стала свободной, в сущности, для большей части верующих, а иногда и служителей церкви, без всяких указаний сверху, идеалом стало состояние церкви в 19-м веке – отсюда тяга к реставрации той жизни. От себя добавлю, что если бы все было хорошо, то не было бы революции 17-го года и гонений на Церковь. Отсюда

вырастает стремление превратить Церковь, по сути, в археологический музей. Но мир Библии, по мысли о. Александра Меня, в отличие от восприятия языческого, – мир динамичный. Именно Библия впервые говорит о том, что мир не есть какая-то статика, он развивается, он весь устремлен вперед, как стрела, пущенная в цель, – частый образ у отца Александра. Церковь живет в мире, который меняется. А средневековый христианин, во многом оставаясь язычником, не видел мира в развитии, и такое непонимание библейской идеи развития, будучи отвергнуто церковью, напротив, было усвоено секулярным, т.е. светским, мышлением. Точно так же, как социальная идея. Конечно, социальное служение в Церкви было, но, к сожалению, идея деятельного служения ближнему парадоксальным образом, начиная с 18-го века, попала именно в руки атеистов. Вспомните тургеневского Базарова («природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник»), вспомните всех шестидесятников, но не 20-го, а 19-го в. И открытость миру в массах христиан уходила на задний план, хотя до конца не угасала, несмотря на общую тенденцию. По-настоящему помнить о бедных стали не христиане, а люди, далекие от веры. И это не замедлило сказаться на исторической и общественной миссии церкви и священства. Вывод: христианская жизнь должна быть наполнена и духовной углубленностью, и активным действием. Ориентация только на вечное приводит к тому, что ссылками на очень высокие понятия оправдывается низкопоклонство, варварство, жестокость и все прочее.

Следующее следствие язычества – это подчинение церкви императорской власти. В 4-м веке, когда Церковь стала разрешенной, а христианство – религией государства, императоры, в сущности, управляли Соборами. Мы знаем, что на 1-ом Вселенском Соборе, принявшем первые семь членов Символа веры, председательствовал император Константин. Равноапостольным он стал позже, а тогда он еще даже не был крещен. Это парадокс: некрещеный император определял, что ересь, а что не ересь, какие наказания должны понести еретики и т. д. Понятно, к чему это все приводило. Государство всегда стремилось использовать Церковь в качестве инструмента для достижения своих целей. Наиболее близкий нам пример: Николай II противился восстановлению патриаршества и идее созыва Российского Поместного Собора. В сущности, в XX веке свободной Церковь была всего лишь несколько месяцев – от отречения Николая в феврале до октябрьского переворота в конце октября 17 года (если бы Собор был раньше, то, может быть, исторический путь страны был бы совсем иным). И в результате Церковь сокращалась численно, влияние ее уменьшалось. Тут упоминалось уже об исчезнувших малоазийских церквях, о которых говорится в Апокалипсисе. Близка к ним судьба и других древних церквей. Александрийская церковь сократилась до нескольких тысяч человек. Также и Константинопольская. И судьба Русской Церкви после 17-го года тоже была трагической. Для нее настали времена мучеников. И среди них примерно треть

приходится на 1918 год, потом – максимум – на 37 - 38 годы, дальше – на начало 40-ых.

Тем не менее, отец Александр говорит о том, что оживление церковной жизни в годы войны 1941-1945 годов, потом всеобщее признание каноничности избрания Поместным собором 1945 г. патриарха Алексея I указывает на то, в Русской Церкви остались здоровые силы, и можно вполне рассчитывать на ее будущий рост, что подтвердило и возрождение интереса к Церкви в 60-е – 70-е годы XX века. Отец Александр говорил об этом больше 20-и лет назад. В настоящее время следует вдумываться во все это. И я прочту слова с последней страницы обложки: «Сейчас настало время, когда необходимо переосмыслить основные ориентиры христианской жизни! При этом следует быть очень осторожным, чтобы не впасть ни в одну, ни в другую крайность. Не подражать маловерным секулярным богословам, которые готовы смешаться с миром, не валяться в ногах у современной растленной цивилизации, изображая, что она несет хоть какое-то спасение, и не превращаться в людей, которые ностальгируют по прошлому. Ведь некоторые думают, что возрождение христианства есть реконструкция каких-то архаических форм, но такого рода Церковь как раз хотел видеть соловьевский антихрист». Помните, в «Повести об антихристе» три церкви – католики, протестанты и православные. Антихрист обещает католикам власть и авторитет Папы Римского, протестантам – Институт для занятий богословскими трудами, а православным – древние могилы, иконы, старинные храмы и Музей археологии. Но потом

представители этих конфессий спрашивают: «А где же Христос?». И при этих словах антихрист поражает их громом и молнией. Но все-таки эти три церкви воскресают.

Еще поворот мысли. Отец Александр Мень указывает на связь двух проблем: Церковь и нация, а также Церковь и культура. Он утверждает, что христианство обязательно должно быть национальным, органическим для той культуры, в которой оно проповедано. Но важно заметить, что христианская культура – всего лишь часть Церкви. Церковь разных народов, в соответствии с их культурой, языком и т.д., должна быть одновременно и разной, но и единой, чтобы вселенское сознание в ней не угасало никогда. И я позволю себе прочесть краткие цитаты, очень важные: «Человек становится христианином не как член семьи, расы, нации, культуры. (Очень важное замечание: человек становится христианином только как личность). Но в то же время, когда он осуществляет себя как христианин, он действует в своей системе, своей нации, расе, культуре». И следующее: «Более того, христианство совершенно не исходит из той позиции, что надо все национальные особенности приглаживать. Наоборот, мы видим, насколько многообразны национальные формы христианской жизни, насколько это органично, хорошо и естественно. Наши четыре Евангелия – по этой самой причине их четыре – это были Евангелия различных церквей с различными культурными оттенками, с различными традициями. Если в Евангелии от Матфея господствует сирийская, палестинско-азиатская традиция, то в Риме

появляется Евангелие от Марка. То есть, наши четыре Евангелия – это Евангелия различных поместных церквей. Что касается культуры, отец Александр Мень отмечает, что в 19-м веке сначала в Западной Церкви, а во второй половине 19-го века и в России стал подниматься вопрос о социальной справедливости. И в современной культуре XX века было много богословских исканий, поиска света, чистоты и святости. О. Александр говорит о том, что уступки духу века сего не должно быть ни в коем случае. При важности современной формы должна быть полная внутренняя верность Духу. Современный человек тяготеет к ясности, целенаправленности, простоте и лаконичности. И наша проповедь, наши действия должны быть адекватны этой ясности, целенаправленности, простоте и лаконичности.

Отец Александр Мень не был церковным диссидентом. У него было так много вполне легальных дел, и ни на что другое у него не было ни времени, ни желания. Он был очевидным сторонником централизованной церкви, находящейся в единстве со своим архиереем. Нарушение централизации открывает путь для раскольников, сектантов и лжеучителей. О переходе в иную церковь о. Александр говорил крайне отрицательно, считая это проявлением духовной незрелости, перечеркиванием понимания единства Церкви. Всякий живой организм и мистичен, и структуричен. Именно поэтому важнейшая наша задача – борьба за единение христиан. Церковное послушание – одно из скрепляющих устройств. Стремясь к внутрицерковному диалогу, он всегда старался

придерживаться церковного подчинения. Он встречался с католиками, протестантами и т. д., но, тем не менее, все свои лекции, беседы, проповеди произносил только с благословения правящего архиерея митр. Ювеналия. Благословение епископа отец Александр рассматривал как таинство, которое необходимо для всякого серьезного дела. Я не припомню, чтобы отец Александр о ком-то из архиереев отзывался негативно. Он всегда говорил, что они нас своими спинами закрывают, чтобы мы тихонечко трудились. Однако, как говорил отец Александр, епископ целиком зависит от власти и его нередко принуждают к тому, от чего он не может отказаться. Помню, в свое время было открытое письмо А.И. Солженицына патриарху Пимену, что в церкви это не так и то не так. Помню, отец Сергей Желудков писал Солженицыну: «Ваше письмо неэтично, потому что Вы писали человеку, который Вам не может ответить. Вы принуждаете его к мученичеству, если он Вам ответит». Тогда Солженицын ответил, что принуждать, конечно, нельзя, но призывать-то можно. Что еще остается? И в таких случаях, конечно, слушаться надо более Бога, чем человека, понимая, что несвобода патриарха и епископов в советское время иногда вынуждала делать то, с чем они внутренне не были согласны.

Однако главный враг Церкви, считал отец Александр, совсем не атеисты и не правители, а плохие христиане. Об этом сегодня много говорили, и я не стану этого повторять. И так все ясно.

Прот. Александр Борисов

Ревность по доме Твоем сдает меня.

(Чем же сердце успокоится?)

После недавних событий я, как и многие, пребывал в растерянности и смятении. Хоть у меня и не было особенных иллюзий относительно нашей Церкви, но все равно ведь, когда сталкиваешься с явным злом, возникает протест, и непонятно, как с этим жить. С определенными усилиями я из этого состояния все-таки вылез – наощупь. Может быть, этот путь наощупь кому-нибудь пригодится.

В какую же Церковь мы веруем?

Можно ли считать существующее сообщество христиан – всех, кто считает себя христианами, – той Церковью, в которую мы веруем?

Можем ли мы говорить, что мы уже сегодня живем в такой Церкви? И если да, как объяснить происходящее в ней?

Да, конечно, можно объявить «плохую» церковь «двойником» и списать все на этот оптический обман, но что это меняет?

Попробуем найти хоть какой-то ответ.

Когда я прочел книгу о. Шмемана «Исторический путь православия», меня поразило обилие страшных эпизодов в истории Церкви, потрясло, что людей, вставших на христианский путь, этот путь не отвратил от их тьмы, не стал для них прививкой, не излечил их.

А может быть, Церковь и есть инструмент этого излечения?

Мне казалось, что Церковь – это отряд для соработничества с Господом, для совместной с Ним самоотверженной работы во имя Его, спецназ для

выполнения Его задачи, пока до конца нам неведомой. А может быть, Церковь есть спецназ соработничества с Ним над собой?

Может быть, именно в этом и состоит Его замысел о нас на ближайшие тысячи лет?

Может быть, мое представление о Церкви – теле Христовом, славном Христовом воинстве, трудящемся во имя обожения мира, сродни ветхозаветному ожиданию победного Мессии?

Может быть, это мое всегдашнее желание иметь простой ответ, как в шахматной задаче – двухходовке?

Хорошо, пусть так, что из этого следует? Главный вопрос остается – как мне жить внутри Церкви сегодня, как реагировать на происходящее в ней сейчас? Почему так все происходит?

Наверняка главная проблема заключается в том, что при добавлении к «малому остатку» (то есть к немногим верным) большой массы людей неизбежно происходит проседание общего уровня, падение, проявляются все человеческие слабости, возникает разделение, нелюбовь, измены. И так происходило и происходит с первых дней создания Церкви.

Но ведь Церковь создавалась именно для включения – в идеале – всех! Тупик?

Двухтысячелетний опыт не дает оснований надеяться на постепенное повышение концентрации верных?

Небольшой ручей, ключ, текущий по траве, сохраняет чистоту. Но вот он становится мощным, размывает глинистое дно, желтая вода несет массу песка, ила. Внутри этого мутного потока сохраняются

изначальные чистые струи – но как очистить всю массу воды? Ведь в таком виде, как она есть сейчас, она не является питьевой.

Конечно, для нас самым важным руководством остается Его ответ на наш вопрос «Господи! а он что?..» – «Что тебе до того? **Ты** иди за Мною».

Попробую сам для себя обсудить ситуацию с воображаемыми «правильными» оппонентами, скажем, как Иов со своими друзьями.

Иов: Как быть, если ...

Друзья Иова: Твое дело – молиться за всех братьев и самому жить в мире и чистоте.

Иов: Значит, я должен быть заодно и с лжебратьями, с людьми неискренними и недобрыми? Но ведь сказано (2 Фес. 3.2): *и чтобы нам избавиться от беспорядочных и лукавых людей, ибо не во всех вера.* Разве не должен я сказать им: «Я не с вами, потому что вы не с Ним»?

Друзья Иова: Но тогда ты встаешь на путь разделения: «я Павлов», «я Христов». Святые искупали грехи Церкви своими муками и верностью.

Иов: Но ведь Иисус Сам сказал: *«Пойди и обличи его... если же не послушает, ... скажи церкви; а если и церкви не послушает, то да будет он тебе, как язычник и мытарь»* (Матф.18:17). То есть я не должен быть безразличен к делам брата моего, и я не должен успокаиваться, пока не поставлю в этом деле некоторую точку – для себя, для этого брата, для Церкви.

Друзья Иова: Вот если бы ты ухитрился все это проделать в смирении – так ведь нет, знаем, что

будешь клеймить и распаляться. Тогда что же лучше: умножать гнев и нелюбовь или присутствовать в этом – да, в этом недолжном собрании – и сохранять свои убеждения, не отказываясь от принадлежности к этому недолжному собранию?

Иов: Но вспомним известные слова: «... бойся равнодушных. Они никого не убивают и не предают, но только с их молчаливого согласия существуют на земле предательства и убийства». Если я остаюсь в этом собрании и молчу, то это означает: я присоединяюсь ко всем его делам, я молчанием своим говорю: «И я! И я!». Неужели к христианской общине приложим подход «не выносите сор из избы»?

Друзья Иова: ...

И так можно вечно ходить по кругу – ну где же мне найти Елиуя, который попал бы в точку и вразумил? А может быть, так:

Елиуй: Перестань ныть, как капризный ребенок. Пойми: мир устроен сложнее, чем ты думаешь. Если бы ответ на твой вопрос был так прост, неужели за две тысячи лет он бы не появился? Вспомни, что сказал Шкловский о том, что «молчание Вселенной слишком красноречиво, чтобы его можно было игнорировать». Подумай о тех, кто вызывают у тебя абсолютное доверие: о. А. Шмеман, владыка Антоний, о. А. Мень – все они ощущали эту проблему гораздо острее тебя, они находились в самом ее центре. И все они, наверняка имея гораздо более весомые, чем у тебя, аргументы, тем не менее, оставались внутри Русской Православной Церкви. Значит, они что-то понимали, чувствовали, а ты этого пока понять не можешь. Но ты

можешь сказать им приблизительно так, как писал владыка Антоний: «Мне в самом деле непонятен ваш опыт, определяющий вашу позицию, но я ему верю, поэтому иду за вами, и пусть ваш опыт подхватит меня и укрепит».

А уж если еще и Его голос услышать – тогда бы точно «кончились слова Иова».

Если я член этого организма, то что я даю ему? Что беру у него? Чем, какими нитями этот организм соединен? – Через сердца, а не через привычку, ум, традиции. Тогда первая задача Церкви – самоочищение, выращивание, укрепление этих самых сердечных нитей и каналов, чтобы последующим новым членам было к чему прирастать, прививаться.

Страшно, что так много общин исчезло без следа. Нам дали тлеющие угли – их надо сберечь и передать дальше. С первобытных времен главным было сберечь огонь. Нам показали: мы должны стать неопалимой купиной. Наши святые стали углями, которые продолжают светиться и давать жар, чтобы зажечь других.

Наш костер, конечно, в основном сырой. Кто ходил в походы, знает, что это очень опасно, когда наваливают сверху костра громадную кучу сырых веток. – тут-то и возникает опасность загасить огонь.

Или по-другому: мы, члены Церкви, должны иметь высокую проводимость, которая есть сердечная чуткость – и к Его слову, и к ближним, **СОЧУВСТВИЕ**. И если в нашей цепочке появляется много непроводящих элементов, изоляторов, система перестает работать.

НЕЛЬЗЯ БЕЗДУМНО УКРУПНЯТЬ СИСТЕМУ! – это требование техники безопасности.

Церковь – это организм, в который заложен могучий иммунитет – Божье присутствие, а значит – могучая способность к самоочищению (*человеку это невозможно, Богу же все возможно*). Может быть, именно в этом таинство Церкви. Но горе этому организму, если он так структурирован, что исключает, блокирует спасительный механизм самоочищения. Организм Церкви устроен гораздо более тонко, чем многие природные организмы: похоже, что достаточно иметь даже небольшой «малый остаток», кусочек правды и истины, любви и тепла, – это шанс на то, что когда весь организм начинает гнить, из «хорошего» кусочка начнет строиться новое тело.

«Вселенская» церковь – пока это для нас фигура речи. Сейчас мы видим лоскутное одеяло, множество отдельно живущих организмов, живых, но не сильно здоровых, со своими болезнями, но и со своими здоровыми островками. И я думаю, что понятие «вселенская» сегодня для нас означает не более того (но и не менее), что каждый ее островок, и мы в том числе, должны иметь сердце, открытое всем другим «островкам». Именно это вселенское притяжение и есть залог будущей радости (вселенской, должно быть).

И все же, все же, все же... Бежать в горы, когда видишь *мерзость запустения, стоящую на святом месте?* Нет!

Слава Богу, нам есть на Кого ориентироваться.

Как вы думаете, Иисус покинет этот дом? Когда Он говорил: *«Я с вами до скончания века»*, разве не знал

Он, что среди нас будет и отступничество, и ложь, и предательство? У Него не было иллюзий, Он знал обо всем этом – и о том, что происходит с нами сейчас, – Он знал это до начала. И все равно – Он с нами до скончания века.

Да, сам Он изгонял бичом из храма торгующих – но Он и есть власть имеющий, а нам это не поручено. Вспомним, что Он сказал сынам Зеведеевым, когда они хотели покарать кощунников из самарянской деревни: **НЕ ЗНАЕТЕ, КАКОГО ВЫ ДУХА!**

Наверное, самая большая угроза и опасность для нас, для нашей Церкви, как и для всего российского населения – это ожесточение. Оно – прямой, верный путь к разрушению и саморазрушению. Это ящик Пандоры, который нельзя открывать ни при каких обстоятельствах.

Самое главное: **НЕ ДАЙ ВЫХОДА НЕЛЮБВИ**, сбереги, не погуби все, что ты успел вырастить в своей душе и вокруг себя, ведь нелюбовь – яд, превращающий все вокруг в выжженную пустыню.

Когда-то в Киеве меня зацепило название книжного магазина, мимо которого я проходил: «Сучасник», по-украински это означает «современник». И меня поразило, как это близко: **«современник – это соучастник»**. Да, мы в ответе за все зло, которое возникло при нас, оно явилось в том числе и из-за нашего, как говорят военные, «неполного служебного соответствия».

«Мы в ответе за все» – фраза громкая, но достаточно туманная, а на самом деле: **КАЖДЫЙ ОТВЕЧАЕТ ЗА СЕБЯ**. Ответ за себя, но по полной мере.

А теперь самое главное.

Вспомним Апокалипсис: Господь сказал Сардийской церкви: *«Ты носишь имя, будто жив, но ты мертв»*. И при этом сказал: *«У тебя есть несколько человек, которые не осквернили одежд своих, и будут ходить со Мною в белых одеждах, ибо они достойны»*. Это же все прямо для нас! Прямым текстом Он говорит нам:

ПОСТАРАЙТЕСЬ СТАТЬ МАЛЫМ ОСТАТКОМ, НЕ ОСКВЕРНИТЕ ОДЕЖД ВАШИХ И СТОЙТЕ, ГДЕ СТОИТЕ.

Так что оставим страх и сомнения. Ему известно все, и Он с нами.

И при этом как нам повезло! Ведь это такое счастье, что у нас есть мы. Что у меня есть вы. И потому я, счастливый человек, говорю: «Хорошо нам здесь, Господи». Спасибо за все.

И вам всем спасибо.

Владимир Хейфец

О соотношении любви, прощения и обличения

Давайте добавим несколько штрихов к тому, что было сказано. Вот сегодняшнее евангельское чтение (Лк. 5.1 - 11): когда рыбы выловлено слишком много, сети начинают рваться. Знакомая ситуация? Иисус говорит про *малое стадо*. Но при том велит: *Идите и научите все народы*. И то – и другое. Нехорошо, когда нас мало. Есть желание, чтобы так хорошо, как нам, было и другим. Я думаю, что и у других, которые нам не нравятся, то же: им хочется, чтобы и их стало больше. И тут важно: принятие другого, согласие на инаковость другого. Это непросто. Есть другие люди, которые живут

по другим установкам, а нам не нравится, как они живут. Что делать? Говорить: *А вот в Библии написано... А вот Христос учил не так...* Не работает, это не для них, они в это не верят.

Ведь зачем Господь дает нам *Великое поручение*? Мы призваны способствовать тому, чтобы другие становились христианами. На основе этой установки можно способствовать как-то изменению другого человека, выясняя вместе с ним, что правильно. А что делать с людьми, которые находятся вне? Одна из болей, с которыми мы сейчас сталкиваемся: наша Церковь, поместная церковь, в поисках силы, богатства и т.д. начинает апеллировать к тем, кто находится вне, подставляя, используя их установки, как нечто свое. И нам нравится, когда речь идет о свободе, и ровно наоборот, когда речь идет о зажиме, закручивании гаек и пр. Но и так и так – это апелляция к тому, что не является по сути христианским, церковным, просто потому, что оно государство. Государство – аппарат насилия, оно в принципе не может быть ни церковным, ни христианским. И попытка использовать силу, которая не Божия, могучая, но не Божия, это очень страшно.

Следующий момент. Мы все сейчас задумываемся о предложенном законе о наказании за оскорбление религиозных чувств верующих. И мнения людей, которых я знаю и уважаю, очень разные. Есть такое: «Да, конечно, это безобразие нужно жестоко карать». А есть люди, которые говорят: «Какие религиозные чувства? *Мы же духом водимы, братья!* О чем речь?» Давайте подумаем о соотношении духа и чувств. Я понимаю, что существует Ислам, там этого вождения

духом нет, и там быть водимым религиозным чувством совершенно нормально. Для какой-то интерпретации Ислама – нормально, когда страшное количество людей поднимается и начинает стрелять из-за того, что какой-то режиссер снял какой-то фильм. Что мне с этим делать? Но ведь и наши чувства не слабее! Вот маленькая история с моей женой в славном городе Париже. Ходила она по городу, устала и зашла в церковь отдохнуть, помолиться. Церковь пустая, никого нет. Перед входом сидит клошар, просит деньги. Тихо. Она сидит, молится. Дверь открывается, входит этот клошар, встает лицом к стенке – внутри храма – и пишет. Потом возвращается на свое место. И все. Понимаете, какое оскорбление религиозных чувств? Если бы история этим заканчивалась, она была бы просто иллюстрацией, что религиозные чувства бывают и бывают оскорбленными. Но что происходило дальше? Карина выходит из этой церкви, идет в метро и где-то уже внутри слышит слово «Аминь». Она задерживается и обнаруживает группочку из трех девушек, африканок, которые прямо в метро стоят у стеночки и молятся. Карина подходит, ее позвали, и они стали молиться вместе. И каким-то образом эти оскорбленные религиозные чувства успокоились... Надо понять, чего мы, собственно, хотим. Мы хотим обязательно изменить того человека, который оскорбил наши религиозные чувства. Если бы речь шла просто о том, чтобы мы восстановили в себе мир! Но мы же хотим наказать другого. Мы хотим влезть в жизнь другого человека и там что-то подкрутить. Проблема возникает тогда, когда мы хотим в соответствии с нашими

религиозными чувствами переделать окружающий нас мир. Но нам этого не дано Богом. То, что произошло с Кариной, просто подсказка.

Вот мы пришли в Церковь – в каком смысле Церковь, вы понимаете, потому что пришли мы на литургию. Литургию отслужили, все хорошо, мы вышли из церкви. В каком смысле? Из здания вышли. Мы вышли из Церкви? Нет. Мы вышли из *Церкви как таинства*? Но мы из нее никак не можем выйти! Наша жизнь совершается, когда таинство идет. *Церковь как таинство* означает, что наша жизнь должна совершаться Христом, то есть Святым Богом. Понимаете, в чем дело? Вся наша боль, весь ужас начинаются тогда, когда мы выходим из Церкви – *из этой Церкви*, когда начинается: *Я, Я сам*: «Бог попустил безобразие – что же мне с этим делать?» Как только начинается это *мне*, я вышел из *Церкви* и закрыл за собой дверь. Правильный-то вопрос другой: что *нам* с этим делать. Вот это мы всегда выбрасываем. Это я про себя говорю. Если бы про вас, а не про себя! Любая неприятная ситуация в жизни начинается с *что мне делать*. Уж сколько раз Он мне говорил: *Да не мне – давай вместе*. И совершенно непонятно, как оно происходит, но оно происходит. Он вмешивается – и все: там, где Он, там мир. Потому что Бог мирен, потому что *стяжай дух мирен, и вокруг тебя спасутся тысячи*. Вот о чем речь. И это не значит – не включаться в происходящее, быть равнодушным.

Еще одна сторона: вот нас оскорбили – действительно оскорбили. Как можно принять воинственных мусульман, убивающих христиан? Как –

тех, кто кресты спиливает? Рана? Рана! Секундочку. Но ведь в нас Христос, *врач душ и телес наших*. Значит, эта рана Им же может быть исцелена. Если *я сам* пытаюсь каким-то образом, например мезью, или еще как-то ослабить боль, то это буду делать *я*. Исцеления тут не будет. *Врач душ и телес* – Он, и **Он один** может меня исцелить.

И еще. Вы помните, что у Воскресшего эти самые раны остаются, Он сохраняет их в Своем преображенном, счастливом облике. Он сохраняет эти раны! Кто сказал, что раны от оскорбления должны исцелиться и затянуться? Он их сохраняет, а мы хотим от них избавиться? Может быть, эта рана должна нам что-то сказать? Задача в первую очередь, чтобы мы соединились со Христом, были, где Он. А Он где? *Одесную Отца* и там, где Крест. Это сложно, и наши чувства (наши религиозные чувства) обязаны быть сложными, но вовсе не обязаны быть счастливыми. Чувства есть и будут. Но вовсе не обязательно кого-то за них наказывать.

Итак, *таинство Церкви*, совершающееся в нас, – это постоянное пребывание в Его присутствии и действии в жизни. Не *я* пытаюсь жить вместе с Ним, а принятие того, что Он живет со мной, согласие на это. Не наш подскок в Его святость, в Его нравственность – нам это никогда не удастся, а принятие того, что Он совершает в нас. И тогда это то самое, живущее в нас *таинство* той самой *Церкви*, той, которая *Невеста Христова*. Представьте себе невесту, которая не думает о женихе, а крутится перед зеркалом и говорит: «Какая я красивая, какая я хорошая, какая я богатая,

какая я старая!» Это вовсе не безобидно. Я рассказывал про эту молитву окладу: там самое важное, чтобы в окладе не было иконы, – должен быть только оклад. Такое «православие без Христа».

И несколько слов о мире, который дает Господь. Вот Иисус, оплеванный, избитый до полусмерти, оскорбленный, в инфаркте, идет на крест и говорит: *Прости им, ибо не ведают, что творят.* А мы, понимаете, начинаем думать, вот если он, кто нас оскорбил, попросит прощения, тогда... А если не попросит, так что? Речь же не о том, что с ним – речь о том, что с нами. Если мы со Христом, то прощение – это то, что нам надлежит делать независимо от того, попросит другой прощения или нет. Прощение в первую очередь связано с нашим бытием христианина, с нашим пребыванием в *Церкви как таинстве*. Если я не прощаю, я из этой Церкви вылетаю, потому что Христос прощает. Просят у меня прощения или нет, это вопрос наших взаимоотношений с конкретным человеком. Можно прощать авансом, можно дожидаться... Это вопрос отчасти воспитательный. Там много всяких нюансов, поэтому в Писании на эту тему много парадоксов. С одной стороны, прощай до семижды семидесяти, с другой: нет, ты его выслушай, и оба тогда договоритесь. Это парадокс. Но если речь идет обо мне как о том, кто пребывает в Церкви, то прощение в первую очередь: не будете прощать – не будете прощены, без всяких условий, от другого человека зависящих.

Вот такие несколько замечаний о практике, что же такое *Церковь как таинство* в повседневной жизни. Иначе слишком легко *Церковь как таинство* свести только к богослужению и отвлеченной теории.

Андрей Черняк

«Итак, выйдем к Нему за стан, нося Его поругание, ибо не имеем здесь постоянного града, но ищем будущего» (Евр.13.13-14).

Только готовясь к этой нашей встрече, я до глубины прочувствовала слова, которые читаются в дни памяти Святителям и Преподобным: *Иисус, дабы освятить людей Кровию Своею, пострадал вне врат.* *Итак, выйдем к Нему за стан, нося Его поругание; ибо не имеем здесь постоянного града, но ищем будущего* (Евр.13:12-15).

Дабы освятить людей Кровию Своею... Нас Он освящает в причастии. Но, по словам Даниэля Анжа, «во время каждого причащения Иисус говорит: «Я пришел не для твоей личной духовной радости. Через тебя я хочу подарить Свою радость, Свою красоту другим».

Такая цель. А требование ко мне?

Он...пострадал вне врат...Выйдем к Нему за стан...

Чтобы общаться с человеком, Господь требует от него оставить привычную среду с ее привычными нормами – *мир сей*. Сказано Ною: *построй ковчег и войди в него*; Аврааму: *уйди из дома твоего, ...иди в землю, которую Я укажу*; Моисею, чтобы встретить Бога, пришлось бежать из Египта, ради неопалимой купины –

сойти с дороги, оставив своих овец, но и тогда: *сними обувь свою*. Даже апостолам велено отрясти от ног пыль тех городов, которые не стали их слушать. Значит, то же относится и к нам. Почему? *Мир сей* начинается с момента: *И пошел Каин от лица Господня...* С тех пор в мире падшего человека нет места Богу: человек хочет царить сам. Поэтому всякий, кто хочет быть Божьим, замечал, *что враги человеку домашние его*. Конечно, *домашние* надо понимать шире, чем семья. Из этого мира надо уйти, потому что он держит своих. И человек, как Рахиль, тащит за собой в Церковь своих домашних идолов, которые позволяют ему называть себя церковным, но не дают стать членом *тела Христова*. Власть, богатство, желание покровителя, страх, что любви Божьей на всех не хватит, и отсюда поиск врага – это все идола. Мы встречаемся с ними в церкви, но в себе мы их не всегда замечаем. А отсюда следствие: мир смотрит на церковь и говорит: «Вы ничуть не лучше нас, мы хоть не лицемерим, а вы живете по двойным стандартам». Потому и сказано: *ради вас (т.е. из-за нас) имя Божие хулится у язычников.* (Рим.2:24). Мы страдаем за авторитет Церкви Божией и от того, что бессильны что-либо изменить, и от того, что узнаем общий грех в себе.

Но: Выйдем к Нему за стан. нося Его поругание.

Приходится быть готовым к тому, что мне скажут: «Какие вы христиане? Вы не можете даже поладить между собой». И что я отвечу?

– Это не воля Спасителя.

– Но к этому призывают ваши священники, ваши начальники, даже те, кого вы называете святыми.

Стану объяснять, что нелюбовь к чужаку складывалась веками. Что она возникла от потери любви и в церковь пришла из мира, что каждый должен изживать ее в себе самом. А Церковь Вселенская едина. Но до тех пор, пока христиане не станут являть это единство собой, мне придется болеть и отвечать за этот грех, даже если он не мой, потому что он ранит Иисуса Распятого, а я член его *тела*.

Еще мне скажут: «Ваши священники, от высших до рядовых, ищут богатства, даже роскоши». Что я отвечу?

– В подавляющей массе Господу служат бессребреники. Но бывает и это, мне оно отвратительно не меньше, чем вам. Те, о ком вы говорите, наносят раны Иисусу Распятому, и Его боль не может не стать моей болью. Но в глазах мира их вина на мне как на члене Церкви. Здесь для меня вина и беда слились воедино.

А еще мне скажут: «Ваша церковь погрязла в обрядах, в язычестве, Евангелие для нее не основа жизни, его никто не читает. Вы, как древние, громоздите правило на правило, запрет на запрет. Молодежи это не нужно, поэтому у вас нет будущего». Кажется, я знаю, что здесь ответить.

– У нас за плечами 4000 лет язычества и только 2000 лет христианства. Но Он сказал нам: *Мужайтесь, Я победил мир*. Значит, это не знак будущего, а шлейф из прошлого. *Христианство только начинается*, – говорил о. А. Мень.

Однако вставшему из крещальной купели велено: *Идите и научите...*, а я знаю, что слова, не подкрепленные жизнью, подвержены инфляции. Значит, и это поругание мне придется нести.

Подобные диалоги будут возникать и возникать. Впрочем, главное уже ясно. Грех внутри церкви – это не ее грех, это грех против церкви (В. Свенцицкий), однако церковь за него ответственна, и каждый ее член ответственен. Сейчас особенно очевидно, что мы, малые, вызваны на первую линию. Как бы мало от нас ни зависело, сегодня отвечать приходится нам. Стыдиться, краснеть, болеть сердцем, но отвечать – это и есть *нести Его поругание*. За святых, которые жили до нас, нам не спрятаться. Самим стать святыми? Как? Утешает только, что для первых христиан синонимом к *святому* было *верный*. Если же наш *постоянный град* здесь, мы в нем и останемся. Нам надо строить с Господом.

Теперь нам Господь говорит: *выйди*. Сгибайся под грузом чужого греха, страдай от своего, однако *взыскуй града будущего*, в который *не войдет ничто нечистое и никто преданный мерзости и лжи*. (Откр. 21.27). Думаю, что, если мы на самом деле действительно не можем большего, чем *нести поругание*, то наша боль, наше несогласие, наш стыд тоже работают для того града.

Итак, выйдем к Нему за стан, нося Его поругание, ибо не имеем здесь постоянного града, но ищем будущего.

И для укрепления нескольких простых слов нашего современника о. Иоанна Крестьянкина: «А та возня

человеческая, которая затеяна сейчас, – видимость деятельности, но какой? И ни нам, живущим еще, ни отошедшим в мир иной это ничего не принесет, ведь у Господа все всегда и есть, и будет на своих местах. И тем, кто *течение совершил и веру соблюл*, уже дан венец жизни. И большей радости и счастья им уже никто дать не может».

Татьяна Рябина

Из ответов на вопросы

Вопрос. Можно ли считать христианами теперешних «православных», которые фактически не знают Христа.

О. Александр. Знаете, когда Иисус сказал на Тайной вечере: «*Один из вас предаст Меня*», – апостолы, к счастью, отнесли это каждый к себе: «*Не я ли, Господи?*» И такое смятение, наверное, для христианина будет правильно. Только о себе человек может решать, христианин он или нет, – он стоит перед Богом. А о других мы выносить такого суждения не будем. Вспоминаются мученики первых веков. Когда загнали 40 мучеников Севастийских в озеро, один из них сломался и убежал, а один из солдат, которые их охраняли, увидев мужество остальных, вошел в озеро и встал на его место. И подобные истории бывали неоднократно. Можно ли назвать его христианином, когда он стоял среди стражи? Что было у него в сердце? Или он стал христианином, когда в озеро вошел? Мы не знаем и не можем вынести суда. Мы знаем, что Евангелие – главная книга христианина, и христианин должен ее хорошо знать, читать и перечитывать, чтобы знать нашего Господа, который сказал: «*Я и Отец одно*». Иначе образ Божий будет для

нас какой-то нашей фантазией, а не тем, как Он открыл нам Себя в Новом Завете.

Вопрос А. Черняку. Сказать: «То, что не Божие, но Бог попустил» – это ужасно!

Ответ. Я так сказал. А вопрос: «Почему попустил?». Здесь ответ очень простой. Грехопадение Богом попущено, но оно ужасно, оно не Божие. Вот и все. Свобода – это Божие, и это прекрасно. А то, каким образом мы ее используем, это ужасно. Но Бог, уважая нас, это попускает. Потому что это есть путь. Потому что Бог не делает нас сразу обожженными, но предлагает нам эту возможность. Выбираем мы.

Вопрос. Из того, что Вы говорили, создалось впечатление, что христианин должен избегать ненависти, каких-то злых проявлений, которые ему не должны быть свойственны. Но должен ли христианин, встречаясь с непотребством, молча проходить мимо?

Ответ. Кажется, я ни разу не употребил слова «должен» или «не должен». И это очень принципиально. Дело совсем не в том, что я «должен или не должен». Речь о том, что мы делаем вместе с Богом, а что без Него. С Ним, тогда я христианин. Если я сам *должен* или *не должен*, то я не христианин, а в лучшем случае человек Ветхого Завета, который знает, что должен и чего не должен, и поступает в соответствии с этим. Нет ситуаций «вообще», есть конкретная ситуация, где есть конкретное присутствие Бога и Его участие вместе со мной в этой ситуации. И только. Если я вижу, как взрослый бьет ребенка, это не значит, что я должен немедленно хватать взрослого и тащить в тюрьму. А может быть, и должен. Но это

решаю не я, это решает конкретно Господь Иисус Христос, в этой ситуации присутствующий.

И еще, здесь был вопрос об абстрактной Церкви с большой буквы. Но что такое конкретная, и что такое абстрактная? Точка зрения, к которой я все время пытаюсь пробиться: Церковь как таинство это и есть конкретная Церковь. Это та самая Церковь, которую видит Бог и в которую мы веруем. Только Божия точка зрения абсолютно правильная. Все остальное – не настоящее существование Церкви, не настоящая ее реальность. Только то, что Бог видит, и есть настоящая реальность. И Бог, когда говорит «Церковь» (а раз Он говорит, значит, делает, а раз Он сказал, значит, задумал), то Его Церковь – это та самая Церковь-таинство, о которой мы с вами здесь говорили. И она есть, и она абсолютно конкретна, именно абсолютно, с абсолютной точки зрения. И наша задача – научиться к этой точке зрения пробиваться. Тогда мы имеем *ум Христов*, о чем говорит апостол Павел. Именно это и есть *ум Христов*.

Вопросы отцу Александру. Если возникает какая-то ситуация, ты пытаешься вслушиваться в своем сердце в голос Бога, как поступить в этой конкретной ситуации. Правильно ли, что действие будет лучше, чем бездействие, даже если оно может быть ошибочным, и пассивность – всегда плохо?

Ответ. Нет, я думаю, что не всегда. Есть время говорить, есть время молчать. Так что молчание – тоже действие.

Вопрос. Скажите о церковной иерархии. Такое устройство Церкви по немощам человеческим или по необходимости?

Ответ. В своем сообщении о взглядах о. Александра Меня на Церковь я уже говорил, что он стоял жестко за иерархию, потому что всякое сложное образование, имеющее тысячи людей, должно быть структурно. Без структуры оно рассыплется. Но он же говорил о том, что для того, чтобы была вода, нужен стакан. Но стенки стакана не должны быть настолько толстые, чтобы для воды уже не оставалось места. Должны быть правильные соотношения между иерархией и церковным народом, между формой и содержанием. В первой Церкви сразу были пресвитеры, появились епископы. Т. е. структура появилась, потому что она необходима для целостности. Как и в организме нашем есть разные члены, а тело одно, в каждой клеточке один и тот же генетический код, но «работают» только те гены, которые нужны для функционирования данной клетки или ткани. Число делений каждой клетки также контролируется потребностями всего организма. Если этот принцип нарушается и клетки начинают делиться бесконтрольно, то образуется раковая опухоль, которая живет уже только для себя, что приводит к гибели всего организма. Организм должен иметь одну единую, контролируемую генетическую структуру.

Вопрос. А с небесной иерархией можно связь какую-то проследить?

Ответ. Знаете, Данте делал такую попытку изобразить Рай как некую модель. Но о. Александр считал это следствием языческого мировоззрения о незыблемости

мира. А все-таки мы знаем, что христианству присуще мировоззрение движения – не статическое, а динамическое мировоззрение.

Вопрос. Мне пришлось разговаривать с человеком, который принадлежит к Баптистской церкви. По их учению, в Священном Писании – и только в нем – свято каждое слово. И я спросила, как он понимает в молитве «Отче наш» - слова «не введи нас во искушение». И второе – в Евангелии от Матфея - «Кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в Царстве Небесном» (Мф. 5.19). Т.е., нарушивший, уже войдя в Царство, будет там малейшим или как?

Ответ. Да, войдя. Но его личность будет там ущербна. О. Александр приводил такой образ, что, входя в общение с Богом, человек очищается, его грехи сгорают, и чем больше у него грехов, тем большая часть его сгорает, и остается такой младенец. А праведник входит в полноте личности.

Вопрос. А «Не введи нас во искушение» как понимать?

Ответ. Но мы же понимаем, что Господь, устраивая нашу жизнь, не дает нам испытания сверх того, которое мы можем понести. Испытание – это и есть искушение. А что касается протестантов, то, конечно, они фактически весь опыт Церкви со 2 века до настоящего времени оставили за бортом. Сейчас появились некоторые авторитетные протестантские писатели, но это уже в последние лет 50 – 30. Это неверно, выбрасывать святоотеческую литературу. Можно сказать, что это все равно, что строить пирамиду египетскую без основания.

Если они говорят, что надо жить по букве Слова, то это сложно. Во-первых, мы имеем перевод. Во-вторых, есть места, которые ни один библеист не может объяснить. Например, ап. Павел говорит: «*Что делают крестящиеся за мертвых?*» (1 Кор. 15.29). Никто из библеистов, кого я знаю, не может истолковать это место: что значит «креститься за мертвых».

Надо помнить о том, что, как говорит ап. Павел, «*буква убивает, а дух животворит*» (2 Кор. 3.6).

Для понимания всегда следует читать молитвенно и сопоставлять одно место Писания с другими, тогда целое будет понятнее.